

ОЧЕРКЪ

СОСТОЯНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ

ПО АКТАМЪ (1650—1798).

Составилъ

Владиміръ Антоновичъ.

К І Е В Ъ.

Въ университетской типографіи.

1 8 7 1.

Печатать разрѣшается. Октября 30 дня 1870 года.

Предсѣдатель Коммисіи *М. Юзефовичъ.*

2992444

Успѣхъ церковной уніи, задуманной польскимъ правительствомъ, руководимымъ езуитами и католическою клерикальною партіею, и провозглашенной на Брестскомъ соборѣ 1596 года, былъ разсчитанъ исключительно съ католической точки зрѣнія. Проводившая унію партія полагала, что достаточно заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей церковной іерархіи православной церкви для того, чтобы религіозное нововведеніе прочно установилось въ русскихъ областяхъ речипосполитой. По привычкѣ къ строгой іерархической централизаціи и къ пассивному повиновенію въ дѣлахъ вѣры низшихъ членовъ іерархіи—высшимъ и мірянъ—духовнымъ властямъ, ультракатолическая партія надѣялась легко сломить православіе при содѣйствіи православныхъ епископовъ и митрополита; вслѣдствіе такого взгляда, всѣ усилія короля, вліятельныхъ дворянъ—ревнителей католицизма, и езуитовъ направлены были исключительно на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей іерархіи православной церкви; какъ только усилія эти привели къ желанной цѣли, какъ только большинство іерарховъ православныхъ, прельстившись обѣщаніями всевозможныхъ благъ или уступая грубому насилию, изъявило согласіе на принятіе церковной уніи—

послѣдняя была провозглашена на Брестскомъ соборѣ, при чемъ мнѣнія у низшаго духовенства и у мірянъ и не спрашивали и на заявленія съ ихъ стороны не обращали малѣйшаго вниманія. По убѣжденію ревностныхъ католиковъ такое нововведеніе въ дѣлахъ церкви, на которое заявили согласіе митрополитъ и значительное большинство епископовъ, считалось дѣломъ вполне выиграннымъ и рѣшеннымъ. Но въ этомъ взглядѣ и состояла главная ошибка инициаторовъ уніи; они не обратили вниманія на то обстоятельство, что основная черта устройства православной церкви состояла въ соборномъ ея характерѣ, въ непризнаніи слѣпого повиновенія іерархамъ въ дѣлахъ вѣры и въ отсутствіи централизаціи въ самой іерархіи. Принятіе уніи митрополитомъ и епископами не составляло еще непремѣннаго условія успѣха этого нововведенія; унія могла быть принята не иначе, какъ послѣ гласнаго обсужденія и съ добровольнаго согласія всѣхъ членовъ православной церкви: духовныхъ и мірянъ — а такого обсужденія инициаторы уніи избѣгали, прекрасно понимая, что прямымъ путемъ они никогда не успѣютъ убѣдить православныхъ въ пользѣ и душеспасительности соединенія съ Римомъ. Такимъ образомъ непониманіе или отрицаніе соборнаго начала въ церкви и составляло самое выдающееся явленіе новой затѣи, оно и вызывало постоянныя заявленія протеста. Крѣпко утвердившись на этомъ началѣ, православные успѣли выдержать двухвѣковую тяжелую борьбу за свободу своей религіозной совѣсти. Начиная съ князя Константина Острожскаго, поставившаго ясно на Брестскомъ соборѣ требованіе допущенія мірянъ къ участію въ разсужденіяхъ о дѣлахъ вѣры, и оканчивая поработченными южнорусскими сельскими громадами, не принимавшими до конца XVIII ст., не смотря ни на какія угрозы своихъ помѣщиковъ, приходскихъ священниковъ уніатовъ, на томъ основаніи, что они

назначены безъ участія и выбора прихожанъ, всѣ сословія южно-русскаго народа опираются въ борьбѣ за вѣру на принципъ соборнаго устройства церкви и находятъ въ немъ главную поддержку и неисощимую силу. Вслѣдствіе этого водвореніе уніи не было такъ легко, какъ это казалось ревнителямъ католицизма; реакція, неожиданно для нихъ, проявилась во всѣхъ сословіяхъ южно-русскаго края и съ ними, то съ каждымъ порознь, то со всѣми вмѣстѣ, приходилось вести упорную и по большей части безуспѣшную борьбу. Первая реакція православныхъ возникла въ томъ сословіи, которое, какъ по юридическому полноправному своему положенію въ государствѣ, такъ и по степени умственного развитія, имѣло болѣе всего возможности оказать сопротивленіе путемъ легальнымъ; православное русское дворянство стало вначалѣ ревностно защищать свободу своей совѣсти на сеймикахъ и на сеймахъ, гдѣ протестъ православныхъ дворянъ находить поддержку какъ со стороны довольно многочисленныхъ дворянъ протестантовъ, такъ и со стороны многихъ дворянъ католиковъ, свыкшихся въ теченіи недавно минувшаго правленія Сигизмунда Августа съ идеями вѣротерпимости и религіознаго свободомыслія (напр. Левъ Сапѣга). Большинство дворянъ католиковъ не принадлежало еще тогда къ езуитской фанатизированной партіи и считало свободу совѣсти неотъемлемымъ атрибутомъ гражданской шляхетской свободы, во имя которой оно не допускало насилія въ дѣлахъ вѣры даже въ пользу той церкви, къ которой само оно принадлежало. При такомъ настроеніи большинства дворянскаго сословія не удивительно, что вначалѣ унія церковная не могла найти поддержки на пути законодательныхъ мѣропріятій. Напротивъ того, не смотря на всѣ усилія короля, католическаго духовенства и езуитской партіи, первые сеймы, разсуждавшіе о церковной уніи, издавали постанов-

ленія, охранявшія свободу совѣсти и свободу православнаго богослуженія отъ возможныхъ административныхъ насилій: такъ на сеймѣ 1607 года издана была отъ имени короля слѣдующая конституція «о религіи Греческой»: «Въ обеспечение Греческой религіи, издавна пользующейся своими правами, мы постановляемъ: что никакихъ должностей и церковныхъ имуществъ не будемъ никому предоставлять на иномъ правѣ какъ только согласно духу ихъ учрежденія и по обычаямъ и правамъ, подтвержденнымъ нашими предшественниками, т. е. исключительно дворянамъ русскаго происхожденія и чистой Греческой вѣры, не нарушая ничѣмъ законной свободы ихъ совѣсти, и не препятствуя ни въ чемъ свободѣ богослуженія по давнимъ ихъ обычаямъ..... Братствамъ церковнымъ греческой вѣры мы подтверждаемъ всѣ ихъ права и привилііи.»¹⁾ На слѣдующемъ сеймѣ 1609 года конституція эта была вновь подтверждена, при чемъ сеймъ обѣщалъ въ болѣе свободное время подробнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ, а между тѣмъ прибавилъ постановленіе, по которому уніатамъ воспрещалось насильно обращать въ унію духовныхъ и мірянъ православныхъ, подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ штрафа въ 10,000 злотыхъ²⁾. Свобода богослуженія православной церкви подтверждалась и на послѣдовавшихъ за тѣмъ сеймахъ: 1618, 1620, 1623, 1627, 1631, 1633, 1635 и 1647 годовъ³⁾; но чѣмъ даяще уходило впередъ время, тѣмъ сеймы неохотнѣе разсуждали объ религіозномъ вопросѣ, отклоняли его подъ предлогомъ недостатка времени, сокращали текстъ первоначальной конституціи и замѣняли его общими фразами «объ

¹⁾ Volumina legum, т. II, стр. 438—439, § 28.

²⁾ Тамже, стр. 465, § 14.

³⁾ Тамже, томъ III, стр: 158, 184, 217, 263, 320, 345 и томъ IV, стр. 52.

успокоеніи греческой религіи » и объ сохраненіи *statu quo* отношеній православной церкви къ уніятской. Наконецъ, съ половины XVII столѣтія на сеймахъ перестаютъ оовершенно говорить объ охраненіи правъ православной церкви, а во второй половинѣ этого столѣтія начинается рядъ сеймовыхъ постановленій, направленныхъ въ противоположную сторону, т. е. въ пользу скорѣйшаго распространенія уніи и подавленія православія. Эта перемѣна въ характерѣ сеймовыхъ постановленій строго вытекала изъ перемѣны настроенія массы дворянскаго сословія. Чѣмъ далѣе уходило время впередъ, тѣмъ болѣе исчезали въ дворянской средѣ люди, воспитанные въ благодатное время Сигизмунда - Августа; замѣнившія ихъ поколѣнія проходили черезъ горнило езуитскихъ коллегій, изъ которыхъ, вмѣсто науки, выносили привычку къ схоластическому мудрствованію, латинскія реторическія фразы и внутреннюю умственную пустоту; вмѣсто гражданскихъ убѣжденій о свободѣ совѣсти—хотя-бы только дворянскаго сословія—сжесточенный католическій фанатизмъ и слѣпую вѣру въ благотворность и безупречность дѣйствій воспитавшаго ихъ ордена. Между тѣмъ какъ масса католическаго дворянства все болѣе и болѣе принимаетъ фанатическое настроеніе и теряетъ прежнія привычки гражданской и религіозной терпимости, количество дворянъ православныхъ и протестантовъ быстро уменьшается. Езуиты поняли, что въ государствѣ, сложившемся въ форму шляхетской республики, не возможно не обратить вниманія на дворянское сословіе—потому самые горячіе миссіонеры, самые даровитые проповѣдники, бывшіе въ распоряженіи ордена (Скарга, Ногаюсъ и т. д.) отправляются обращать въ католичество дворянъ православныхъ и протестантовъ; тамъ, гдѣ они не находятъ возможности сладить съ людьми взрослыми, они стараются завлечь дѣтей въ свои коллегіи и всевозможными обольще-

ніями: угодливостію, возбужденіємъ личнаго самолюбія, авторитетомъ науки, наружнимъ смиреніємъ и т. д., воспитываютъ горячихъ адептовъ католицизма. Пересматривая исторію любого сколько-нибудь знатнаго западно-русскаго дворянскаго рода, мы замѣтимъ, что въ первой трети XVII столѣтія члены каждаго изъ нихъ обращаются езуитами не въ унию, а прямо въ католицизмъ и становятся ревностными поборниками послѣдняго. Конечно при этомъ успѣхъ езуитской пропаганды находилъ сильную поддержку въ общественномъ мнѣніи всей дворянской среды, ими же подготовленномъ и оказывавшемъ сильное давленіе на разновѣрныхъ членовъ своего сословія. Сильно порѣдѣвшіе ряды православнаго дворянства въ половинѣ XVII столѣтія встрѣчаютъ новый толчекъ, отшатнувшій окончательно это сословіе отъ православія: въ это время достигаетъ полной силы реакція козацкаго сословія. Козаки стоятъ за православную вѣру, но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ и за равноправность сословную и заявляютъ рѣшительный протестъ противъ преобладающаго положенія, занимаемаго въ речипосполитой дворянскимъ сословіемъ. Оба мотива тѣсно связаны другъ съ другомъ и постоянно рядомъ заявляются козаками: когда козацкая реакція восгоржествовала при Хмельницкомъ, то, при указанной постановкѣ вопроса, православные дворяне должны были выбрать одно изъ двухъ: или, оставшись вѣрными завѣту предковъ, отрѣчься отъ сословныхъ преимуществъ, или для сохраненія этихъ преимуществъ перейти въ католичество; за малыми исключеніями южно-русскіе дворяне выбрали второй исходъ, предоставивъ религіозную борьбу на долю другихъ сословій. Но сословія эти не ждали времени полнаго отпаденія дворянства для того, чтобы начать отстаивать свою вѣру. Мѣщане и низшее духовенство съ участіемъ еще дворянъ, сосредоточиваютъ свою реакцію въ церковныхъ братствахъ. Братства основаны были во многихъ

западно-русскихъ городахъ еще до возникновенія церковной уніи. Вначалѣ задачу ихъ составляло попеченіе о благочестіи и о сохраненіи во всей чистотѣ христіанской нравственности, сильно пострадавшей отъ захвата дворянами высшихъ церковныхъ должностей. Патріархи константинопольскіе признали за братствами значеніе блюстителей чистоты церковнаго ученія и христіанской нравственности и обеспечили ихъ существованіе ставропигіальными грамотами, освобождавшими церковныя братства отъ зависимости отъ мѣстныхъ гіерарховъ и подчинявшими ихъ прямо и исключительно только власти патріарховъ. Такимъ образомъ церковныя братства приобрѣли большую свободу дѣйствій и, когда настало время борьбы противъ уніи, они явились самыми дѣятельными и энергическими ея противниками. Между тѣмъ какъ православные дворяне пытались защитить свое дѣло рѣчами на сеймахъ и проведеніемъ охранявшихъ свободу совѣсти и богослуженія конституцій, братства принялись ревностно разъяснять своимъ единовѣрцамъ истинный смыслъ религіознаго нововведенія, укрѣплять въ нихъ привязанность къ вѣрѣ предковъ, противудѣйствовать уніатской и езуитской пропагандѣ особенно въ тѣхъ слояхъ общества, которые по своему положенію стояли ближе къ членамъ братствъ. Противъ езуитскихъ и базилянскихъ школъ они поставили свои братскія школы; езуитской наукѣ они противопоставили науку и создали цѣлую полемическую литературу, отражавшую успѣшно хитросплетенныя езуитскими казуистами доводы. Наконецъ, на долю церковныхъ братствъ выпала борьба съ мѣстными гіерархами, принявшими унію; вооруженныя ставропигіальными грамотами, обеспечивавшими ихъ самостоятельность, братства превратились въ центры реакціи, недоступные усиленіямъ уніатскихъ гіерарховъ; отстаивая шагъ за шагомъ въ каждой мѣстности права своей церкви, братства правда дол-

жны были нерѣдко уступать силѣ; уніятскіе епископы отнимали у нихъ церкви и монастыри, изгоняли братчиковъ изъ ихъ общественныхъ домовъ, отнимали братскія имущества и т. п.; но всѣ эти насилія они могли производить только съ помощью административныхъ властей и военной силы. Въ отношеніи нравственнаго вліянія братства торжествовали и, чѣмъ болѣе уніятская гіерархія преслѣдовала ихъ, тѣмъ большимъ сочувствіемъ пользовались они, тѣмъ суетнѣе и ненавистнѣе представлялась унія глазамъ православнаго народа, тѣмъ менѣе она могла разсчитывать на возможность распространиться путемъ убѣжденія. Между тѣмъ какъ мѣщане и духовенство боролись съ уніею сомкнувшись въ братства, въ борьбѣ принимаетъ участіе еще одно сословіе—козаки. Козачество представляетъ для защиты православія ту военную силу, которой лишены были другія сословія, безъ которой чисто нравственная оппозиція братствъ, подвергаясь страшнымъ преслѣдованіямъ и тѣснимая грубою силою, могла исчерпать свои средства и погибнуть въ неравной борьбѣ съ противниками дисциплинированными и вооруженными властью и всѣми отъ нея зависѣвшими принудительными средствами. Козачество со времени самаго появленія уніи становится рѣшительнымъ ея противникомъ и горячимъ заступникомъ за православіе; области населенныя козаками представляютъ постоянное убѣжище для членовъ братствъ: духовныхъ лицъ и простолюдиновъ, тѣснимыхъ уніятами или компрометированныхъ вслѣдствіе дѣятельнаго сопротивления поборникамъ уніи. Власти и дворяне, прибѣгавшіе къ насильственнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ религіозныхъ, должны были до извѣстной степени сдерживать, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ русскихъ областяхъ, свое рвеніе въ виду угрожавшей имъ постоянно козацкой реакціи. Въ тѣ историческія минуты, когда козачеству удавалось получать временный успѣхъ, вліяніе его на церковныя

отношенія было гораздо дѣйствительнѣе. Такъ въ 1620 году, вслѣдствіе положенія, приобретеннаго козачествомъ при гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ, уніи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ возстановленіемъ православной гіерархіи, упраздненіе которой составляло пока главный результатъ усилій католической партіи. По приглашенію Конашевича Іерусалимскій патріархъ Теофанъ рукоположилъ въ Кіевѣ новаго православнаго митрополита и епископовъ на тѣ каѣдры, которыхъ гіерархи перешли въ унію; такимъ образомъ православная паства получила вновь пастырей, и значеніе уніятской гіерархіи, вмѣстѣ съ малочисленными ея послѣдователями оспаривавшей право на каѣдры у православныхъ епископовъ, низведено было до незавиднаго положенія неудавшейся попытки и насильственнаго, безуспѣшнаго, никѣмъ не признаннаго домогательства. Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе усиливалась козацкая реакція, тѣмъ болѣе исчезала возможность установить унію въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ козачество торжествовало; наконецъ, вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій Хмельницкаго, польское правительство принуждено было два раза (въ договорахъ: Зборовскомъ и Гадяцкомъ) торжественно отказаться отъ уніи, по крайней мѣрѣ въ той части южно-русскаго края, которая была населена козаками, и предоставить православію гарантіи неприкосновенности и свободы вѣроисповѣданія и богослуженія на пространствахъ всей речипосполитой. Не ограничиваясь этими уступками, козаки въ обоихъ упомянутыхъ договорахъ принудили правительство признать представителей православной гіерархіи равноправными въ политическомъ отношеніи съ гіерархами латинской церкви и допустить ихъ въ сенатъ речипосполитой. Но правительство, находясь въ затруднительномъ положеніи, давало согласіе на эти требованія противъ воли и желанія, оно уступало непрѣмному

требованію козаковъ только въ виду временной крайности; оно было увѣрено, что даваемые имъ обѣщанія несбыточны и невозможны. Сильная клерикальная партія и вполнѣ уже въ то время преданное ей шляхетское сословіе готовы были скорѣе погубить то государство, судьбами котораго они овладѣли, чѣмъ сдѣлать малѣйшую уступку въ религіозномъ вопросѣ или хотя на шагъ попытаться въ дѣлѣ католическаго прозелитизма. Потому естественно уступки правительства имѣли значеніе только пустыхъ обѣщаній и договоры, немедленно послѣ ихъ заключенія, были нарушены. Ясная невозможность уладить какъ религіозныя такъ и соціальныя отношенія въ речипосполитой заставила козаковъ искать обеспечения правъ своихъ за ея предѣлами.

Такимъ образомъ католическій и сословный фанатизмъ польскаго общества способствовалъ объединенію русскаго народа. Только нѣкоторая нерѣшительность, выказанная русскимъ правительствомъ въ половинѣ XVII столѣтія, была причиною, что вопросъ объ объединеніи Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о существованіи церковной уніи не былъ окончательно рѣшенъ еще въ то время; только благодаря этой нерѣшительности рѣчь посполитая поплатилась въ то время за свой религіозный прозелитизмъ лишь незначительною относительно частью русскоѣ территоріи, входившей въ ея составъ. Пользуясь мягкостью русскаго правительства, чины речипосполитой отдѣлялись отъ бѣды уступкою лѣваго берега Днѣпра; но за то послѣ заключенія Андрусовскаго договора польское правительство и общество рѣшились провести настойчиво и неуклонно разъ задуманный планъ въ той части русскоѣ территоріи, которая оставалась въ ихъ распоряженіи. Провести-же этотъ планъ было легче теперь, чѣмъ въ концѣ XVI столѣтія. Внутренній составъ общества въ русскіхъ областяхъ измѣнился значительно и перемѣна эта

произошла не въ пользу православія. Православное дворянство окатоличилось въ первой половинѣ XVII столѣтія до такой степени, что во второй половинѣ этого столѣтія уже немногіе дворянскіе роды исповѣдывали вѣру своихъ предковъ. Они составляли ничтожное меньшинство на провинціальныхъ сеймикахъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ въ Червоной Руси, въ Подоліи) почти совершенно исчезли. Но не только дворянства не стало въ ряду защитниковъ православія—козачество, оставшееся на правомъ берегу Днѣпра, исчезло также весьма быстро послѣ заключенія Андрусовскаго договора и польское правительство могло, наконецъ, приступить къ водворенію уніи, не опасаясь грозной для него вооруженной реакціи. Дѣйствительно съ Андрусовскаго договора по религіозному вопросу замѣчаемъ крутой поворотъ какъ въ законодательствѣ речипосполитой, такъ и въ дѣйствительной жизни. Оставленная на время и встрѣтившая серіозныя препятствія церковная новизна опять возводится правительствомъ на степень государственной задачи—опять для шляхетскаго общества она представляетъ широкое поприще, на которомъ дворяне стараются, съ полною на этотъ разъ для себя безопасностью, выказать ревность къ религіозному прозелитизму. Между тѣмъ защитниками православія остаются только тѣ сословія, которыя занимали самое невыгодное положеніе въ речипосполитой, были лишены вовсе политическихъ правъ и пользовались гражданскими правами въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Сословія эти были: православное духовенство, мѣщане и крестьяне.

Съ Андрусовскаго договора мы замѣчаемъ рѣзкую перемену въ характерѣ польскаго законодательства относительно свободы православнаго вѣроисповѣданія: постановленія сеймовъ, гарантировавпія въ началѣ столѣтія эту свободу, уклонившіяся отъ рѣшенія вопроса въ его серединѣ, теперь вы-

сказываются рѣзко въ пользу уніи и, при каждомъ возможномъ случаѣ, издають постановленія все болѣе и болѣе враждебныя для православія. Первое постановленіе, направленное въ пользу уніи, издано сеймомъ 1667 года, т. е. одновременно съ заключеніемъ Андрусовскаго договора; въ силу этого постановленія духовенство «религіи Греческой, пребывающей въ единеніи» было освобождено на вѣчныя времена отъ всѣхъ военныхъ повинностей: «постоя, выдачи провіанта, добавочныхъ квартирныхъ взносовъ, дневокъ, подводъ и всѣхъ вообще военныхъ тягостей и взысканій»¹⁾. Право это предоставленное уніятскому духовенству, составляло въ то время важную льготу; уравнивая съ одной стороны его права съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, оно оставляло православное духовенство на уровнѣ податныхъ сословій—мѣщанъ и крестьянъ; съ другой стороны оно было сопряжено съ важными матеріальными и нравственными выгодами: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе, составлявшей его, шляхты—дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина. Шляхтичи, постановившіе приведенный законъ на сеймѣ, понимали прекрасно его значеніе: при каждомъ удобномъ случаѣ они выгораживали свои имѣнія отъ военной повинности и освобожденіе отъ нея считали одною изъ важнѣйшихъ привилегій своего сословія. За этимъ первымъ шагомъ польскіе сеймы стали издавать другія законоположенія все болѣе и болѣе враждебныя для православія: такъ въ условія, въ соблюденіи которыхъ приносилъ присягу новый король, т. е. въ такъ-называемыя *роста conventa* внесена была статья, относившаяся къ православію. По смыслу этой статьи

---

¹⁾ *Volumina legum*, т. IV, стр. 474. Впослѣдствіи законъ этотъ былъ подтвержденъ сеймомъ 1678 года. *Volum. legum*, т. V, стр. 306.

король давалъ обязательство при первой возможности уладить безотлагательно несогласія «возникшія отъ раздвоенія людей греческой религіи» и притомъ обѣщаль «имѣній и духовныхъ должностей греческой церкви не предоставлять лицамъ недостойнымъ (*personis incapacibus*) и не дозволять такимъ лицамъ пользоваться ими по переуступкѣ.» Въ 1669 году статью эту подтвердилъ присягою вновь избранный король Михайль Вишневецкій, а велѣдъ за тѣмъ, она вносилась и въ «*pacta conventa*» его наслѣдниковъ: Іоанна III и Августа II ¹⁾). Не смотря на нѣсколько темную формулировку статьи, не трудно догадаться, что подъ «успокоеніемъ несогласій» разумѣлось водвореніе уніи, на счетъ православія, а подъ «лицами недостойными» православное духовенство. Многочисленные факты, собранныя въ приложенныхъ актовыхъ свидетельствахъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, какъ понимало формулу королевской присяги шляхетское общество и какой образъ дѣйствій въ религіозномъ вопросѣ предписывался королямъ, иногда лично, подобно Августу II, расположеннымъ къ вѣротерпимости и уваженію свободы совѣсти своихъ подданныхъ. Притомъ, въ одно и то же время съ вышеприведенною статьею, въ законодательство вошло другое законоположеніе, весьма отчетливо опредѣлявшее взглядъ польскихъ дворянъ на «несогласія греческой религіи»: въ 1668 году, конфедерация генеральная, въ вѣденіе которой во время междуправствія переходила законодательная власть, постановила слѣдующій законъ: «Аріане и отступники отъ католической вѣры, равно какъ и отъ уніи, перешедшіе въ другое вѣроисповѣданіе, не должны пользоваться покровительствомъ сеймовыхъ конституцій, обеспечивающихъ свободу вѣроисповѣданія... къ аріанамъ должно примѣнять раньше объ нихъ изданные

---

¹⁾ Volumina legum, т. V, стр. 14 и 140 и т. VI. стр. 15.

законы, по первому о томъ требованіи чьему-бы то ни было, отступниковъ-же вышеупомянутыхъ должно наказывать изгнаніемъ изъ отечества, если вина ихъ будетъ доказана судебнымъ порядкомъ » ¹⁾.

Еще болѣе рѣзкій характеръ носятъ постановленія сейма 1676 года. На немъ положено было уничтожить силу послѣдняго оплота православія—церковныхъ братствъ. Важнѣйшее преимущество братствъ заключалось въ такъ называемыхъ ставропигіяльных грамотахъ, пожалованныхъ имъ разновременно константинопольскими патріархами. На основаніи этихъ грамотъ братства изъяты были отъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ епископовъ и митрополитовъ и подчинялись прямо духовной власти патріарха. Теперь, когда епископы могли или перейти въ унію, или быть замѣщены уніятами по распоряженію короля, независимость отъ нихъ, обеспечивавшая самостоятельность братствъ въ дѣлахъ вѣры, составляла для послѣднихъ вопросъ жизни или смерти. Сеймъ обратилъ вниманіе на эту гарантію, издавна обеспечивавшую братства, и рѣшился уничтожить ее. Постановленъ былъ законъ, по которому ставропигіяльнымъ братствамъ воспрещалось сноситься съ патріархомъ и предоставлять на его рѣшеніе дѣла, касавшіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣстнымъ епископамъ, а, въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, должны были представлять спорные религіозные вопросы на обсужденіе гражданскихъ судовъ—«дѣло невиданное отъ начала вѣковъ» по словамъ Виленскаго братства ²⁾. Сверхъ того сеймъ постановилъ правило, по которому запрещено было православнымъ всѣхъ сословій подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имуществъ

---

¹⁾ Volumina legum, т. IV, стр. 484.

²⁾ См. № XV, стр. 29. Volumina legum, т. V, стр. 180.

(sub poena colli et confiscationis bonorum) отлучаться за границу речипосполитой или прїѣзжать изъ-за границы; старостамъ и комендантамъ пограничныхъ крѣпостей поручено было слѣдить за исполненіемъ этого закона. Сеймъ мотивировалъ свое постановленіе указаніемъ на то обстоятельство, будто православные «подъ предлогомъ дѣлъ, касающихся религіозныхъ интересовъ греко-русской церкви, выѣзжаютъ за границу къ константинопольскому патріарху, и тамъ они извѣщаютъ враговъ (турокъ) о состояніи дѣлъ въ речипосполитой... ибо патріархъ живетъ подъ властью врага креста Господня.» Подъ этимъ фантастическимъ предлогомъ скрывалась весьма серьезная цѣль—воспрещеніе выѣзда за границу не только прекращало возможность сообщеній церковныхъ братствъ съ патріархомъ, оно направлено было къ разрушенію православной гіерархіи; имѣя въ виду начать съизнова дѣло установленія церковной уніи, правительство располагало идти прежнимъ путемъ и начать дѣло съ переговоровъ съ представителями высшей духовной гіерархіи православной церкви; рассчитывая на успѣшный ходъ этихъ переговоровъ, сеймъ воспрещеніемъ выѣзда православныхъ за границу и прїѣзда ихъ оттуда обеспечивалъ разстройство не только православной гіерархіи, но и вообще упраздненіе всего клира; если православные епископы еще разъ перейдутъ въ унію, то, при изолированіи православія въ границахъ речипосполитой, невозможно будетъ возстановить отпавшую гіерархію подобно тому, какъ это случилось за 50 лѣтъ прежде, при Сагайдачнотъ; если-же православная церковь будетъ лишена епископовъ, то некому будетъ рукополагать священниковъ, и останутся на лице исключительно ставленики уніятскихъ епископовъ; такимъ образомъ міряне останутся безъ духовенства и церквей и, волею неволею, перейдутъ въ унію. Что вышеприведенное постановленіе сейма служило введеніемъ къ ука-

занному плану, доказали послѣдовавшія за тѣмъ событія— немедленно послѣ этого сейма правительство вступило въ переговоры съ православными епископами, а чрезъ 3 года былъ уже созванъ по дѣламъ уніи Люблинскій съѣздъ.

Не можемъ опредѣлить съ точностью когда правительство начало переговоры съ православными епископами? ясно, что попытка эта стояла въ связи съ постановленіемъ сейма; уже въ слѣдующемъ 1677 году она принесла нѣкоторые плоды; среди гіерарховъ православныхъ нашлись лица, готовые въ виду улучшенія своего личнаго положенія и приобрѣтенія власти повторить продѣлку Потея и Терлецаго. Главнымъ руководителемъ новой комбинаціи является Львовскій православный епископъ — Іосифъ Шумлянскій, около него группируется небольшой кружокъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, готовыхъ раздѣлить съ нимъ и отступничество и вознагражденіе; по сохранившимся документамъ, мы можемъ указать не только личный составъ кружка, но и тѣ награды, которыхъ добивались его члены за согласіе принять унію. Кромѣ Шумлянскаго мы находимъ имена: Иннокентія Винницкаго, нарѣченнаго епископа Перемышльскаго, требовавшего, чтобы, по принятіи уніи, правительство признало его уніятскимъ Перемышльскимъ епископомъ, смѣстивъ съ этой кафедры уніята, Іоанна Малаховскаго; за тѣмъ изъяснилъ согласіе на унію игуменъ Лиснянскаго монастыря, Сильвестръ Тваровскій, требуя впрочемъ за данное согласіе богатой Овруцкой архимандріи. Уневскій архимандритъ Варлаамъ Шептыцкій давалъ также согласіе на унію, подъ условіемъ назначенія его въ коадюторы Холмской епархіи. Наконецъ, нѣкоторые свѣтскія лица, по большей части мѣщане, члены православныхъ братствъ: Василій Керендовичъ, Жураковский, Мокрицкій, Кручкевичъ и Тернавскіе обязывались принять унію и располагать другихъ къ ея принятію, подъ ус-

ловіемъ, что правительство доставитъ имъ на сеймѣ дипломы на дворянство. Уже въ 1677 году Шумлянскій отъ имени всего кружка обратился къ папскому нунцію съ изъявленіемъ готовности принять унію и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ проектъ съ указаніемъ требованій тѣхъ уступокъ и вознагражденій, которыхъ добивались члены кружка за свое участіе въ дѣлѣ возстановленія уніи; упомянувъ домогательства своихъ соучастниковъ, Шумлянскій конечно не забылъ и себя: онъ требовалъ, чтобы въ его распоряженіе отданы были, помимо уніятскаго митрополита, Кипріяна Жоховскаго, всѣ имѣнія, принадлежавшія Киевской митрополіи, чтобы, сверхъ того, ему назначены были имѣнія въ качествѣ Львовскаго епископа, чтобы папа опредѣлилъ ему отъ себя особенное денежное жалованіе; кромѣ того онъ требовалъ сана Киево-печерскаго архимандрита, т. е. дохода съ имѣній Киевопечерской лавры, оставшихся въ предѣлахъ речипосполитой. Относительно приемовъ распространенія уніи Шумлянскій указывалъ на необходимость дѣйствовать по мѣрѣ возможности осторожно и безъ огласки; между прочимъ онъ совѣтовалъ, чтобы латинскіе духовные не являлись, по крайней мѣрѣ въ первое время, въ православныя церкви, присоединенныя къ уніи, для избѣжанія народнаго волненія, чтобы дисциплина уніятской церкви была усилена подчиненіемъ епископамъ базилианскихъ монастырей, управлявшихся отдѣльнымъ протоархимандритомъ, и чтобы на первое время не удалять, подъ предлогомъ несоблюденія каноническихъ правилъ, приходскихъ священниковъ, но, мало по малу, замѣщать вакантныя мѣста лицами благонадежными ¹⁾.

Предложеніе и проектъ Шумлянскаго были сообщены королю и послѣдній рѣшился воспользоваться ими для окон-

¹⁾ См. МѢ: XXII, стр. 39 и XXIV, стр. 43—46. Литовская церковная унія Кояловича, т. II, стр. 422—424 (примѣч. 326).

чательнаго установленія уніи. Не знаемъ, преувеличилъ-ли Шумлянскій понятіе о вліянні своего кружка, или самъ король придалъ ему чрезмѣрное значеніе? но онъ возымѣлъ намѣреніе безотлагательно приступить къ дѣлу, устранивъ даже ту долю осторожности въ его веденіи, которую совѣтовалъ самъ Шумлянскій. Осенью 1679 года опубликованъ былъ королевскій универсалъ къ духовенству и мірянамъ какъ православнымъ, такъ и уніатамъ: король требовалъ, чтобы они съѣхались 24 января 1680 года на торжественный съѣздъ въ Люблинъ, для того, чтобы покончить въ публичномъ засѣданіи дѣло о религіозномъ разногласіи. Отдѣльныя приглашенія разосланы были высшимъ духовнымъ сановникамъ и ставропигіальнымъ братствамъ ¹⁾. Очевидно король полагалъ, что православные достаточно подготовлены Шумлянскимъ и ожидалъ, что на съѣздѣ они безъ противорѣчія примутъ унію. Потому какъ король, такъ и оповѣщенные имъ уніаты старались придать съѣзду по возможности болѣе торжественную обстановку. Между тѣмъ факты не оправдали ихъ надежды. Православное духовенство и братства не только не давали согласія на принятіе уніи, но они и не подозревали существованія затѣи Шумлянскаго. Предчувствуя однако нѣчто недоброе, они не явились на съѣздъ. Изъ перечня явившихся лицъ, составленнаго уніатскимъ митрополитомъ Юховскимъ, мы узнаемъ, что на съѣздѣ изъ числа православнаго духовенства не было ни одного епископа — явился только: намѣстникъ Могилевскаго монастыря—Волчацкій въ сопровожденіи нѣсколькихъ священниковъ и то единственно изъ предосторожности — чтобы, заявивъ свое присутствіе, не подвергнуть православныхъ отвѣтственности за ослушаніе

---

¹⁾ Кояловичъ—тамже, примѣчаніе № 327 и 328, стр. 424—427. Также см. № XVII, стр. 31.

королевскому приказанію. ¹⁾ Уніятское духовенство, съѣхавшееся въ огромномъ числѣ въ Люблинъ, торжественно открыло сѣздъ, не обращая вниманія на отсутствіе православныхъ, но рвеніе его было остановлено; въ самъ день открытія сѣзда получены были письма отъ короля и отъ папскаго нунція, заставившія уніатовъ разѣхаться по домамъ: король подъ разными предлогами приказывалъ сѣзду перевести въ Варшаву свои засѣданія, а папскій нунцій запрещалъ католикамъ и уніатамъ начинать съ православными публичныя состязанія о вѣрѣ; ²⁾ такая быстрая перемѣна во взглядѣ короля на значеніе сѣзда, происходила отъ того, что онъ понялъ наконецъ ошибку, вытекавшую изъ его поспѣшности и огласки, которую онъ старался было придать дѣлу, рассчитывая на слишкомъ легкій успѣхъ; изъ заблужденія онъ былъ выведенъ фактами, не позволявшими сомнѣваться въ ихъ значеніи: православные не только не явились на сѣздъ, но успѣли представить королю дѣло въ истинномъ его положеніи; послѣднее совершенно было депутатами Луцкаго православнаго братства. Повинуясь королевскому предписанію, луцкіе братчики выбрали депутацію изъ своей среды, но они вручили депутатамъ подъ присягою, инструкцію, которая и не допускала мысли о соединеніи съ уніею. Депутаты клялись въ томъ, что они будутъ прилагать все усилія «къ сохраненію цѣлости церкви святой восточной, состоящей въ повиновеніи четырехъ восточныхъ патріарховъ, и что, не соблазняясь ни милостью, ни обѣщаніями, ни подарками, не уступая страху даже смертной казни, они будутъ отстаивать все догматы и обряды, отъ великаго до малаго, ничего не прибавляя и не упуская, въ томъ видѣ, какъ они установлены въ

---

¹⁾ Кояловичъ, т. II, стр. 429. Приложение № 329.

²⁾ Тамже, приложения №№: 331—332, стр. 429—431.

православной церкви и изложены въ инструкціи, составленной братствомъ. Депутатами выбраны были самые знатные члены братства: князь Вацлавъ Четвертинскій, двоюродный братъ православнаго луцкаго епископа, а впоследствии Киевскаго митрополита, Гедсона Четвертинскаго; брацлавскій под-столий, Даниль Братковскій (казненный 22 года спустя за преданность православію) и кievскій чапникъ, Андрей Гулевичъ. Данная имъ инструкція была подписана 35 православными волинскими дворянами ¹⁾. Подписи эти, равно какъ и составъ депутаціи ручались за то, что она будетъ имѣть доступъ къ королю. Депутаты этимъ воспользовались, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Люблинъ на сѣздъ, они отправились въ Варшаву, предъявили королю свою инструкцію и объявили отъ имени братствъ и вообще православныхъ мірянъ, что безъ сношенія съ патріархами и безъ ихъ участія, не мыслимы для православныхъ никакія сдѣлки въ дѣлахъ вѣры. Между тѣмъ какъ представленія луцкихъ братчиковъ указывали королю неожиданное для него препятствіе, тотъ кружокъ, на который онъ возлагалъ все надежды, не былъ въ состояніи поддержать на сѣздѣ затѣяннаго дѣла. Въ числѣ прибывшихъ на сѣздъ мы не встрѣчаемъ не только имени Шумлянскаго, но также ни одного изъ его соучастниковъ; явиться на сѣздъ они не могли по многимъ причинамъ. Шумлянскій, предлагая нунцію свой проектъ распространенія уніи, не скрывалъ, что дѣло слѣдуетъ вести тайно, такъ, чтобы православные не замѣчали постепеннаго перехода духовенства въ унію, между тѣмъ на сѣздѣ переходъ предполагался гласный и торжественный, что конечно должно было не только подорвать всякій успѣхъ предпріятія, но и указать разъ навсегда православнымъ лица въ ихъ церковной

---

¹⁾ См. № XVIII, стр. 32.

ієрархіи, передавшіся въ унію; такимъ образомъ сразу проливался свѣтъ на ту мутную воду, среди которой и разсчитывалъ дѣйствовать Шумлянскій. Сверхъ того, обнаруживъ свои намѣренія на съѣздѣ, Шумлянскій и Винницкій должны были стать сразу во враждебное отношеніе къ нѣкоторымъ членамъ уніятской ієрархіи: требуемыя ими награды могли быть имъ даны только въ ущербъ уніятскимъ: митрополиту Жоховскому и епископу Малаховскому, а послѣдніе не были намѣрены уступить безъ боя своихъ бенефицій и, прослышавъ о проектѣ Шумлянского, смотрѣли враждебно и съ безпокойствомъ на его затѣи ¹⁾).

Представленія этого кружка подѣйствовали вѣроятно на папскаго нунція, и на короля и заставили прекратить засѣданія Люблинскаго сейма и отказаться отъ намѣренія проводить дѣло уніи гласно; за то для секретной интриги открывалось широкое поприще и здѣсь Шумлянскій могъ развернуть свои способности. Шумлянскій, долго пребывавъ въ резиденціи короля—Яворовѣ, успѣлъ убѣдить его въ пригодности своего плана и даже снискать расположеніе и поддержку Собескаго относительно вопросовъ, по которымъ могли у него произойти недоразумѣнія съ уніятскою ієрархією. Осенью 1680 года Шумлянскій извѣстилъ Жоховскаго о томъ, что теперь онъ готовъ приступить къ унії, что онъ объ этомъ дѣлѣ велъ продолжительныя бесѣды съ королемъ и снискалъ его полное одобреніе; притомъ онъ намекаетъ на то, что король заявлялъ неудовольствіе противъ Жоховскаго «въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мнѣнія послѣдняго могли препятствовать умиротворенію» ²⁾. Подготовивъ такимъ образомъ дѣла, Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ

---

¹⁾ См. № XX, стр. 37.

²⁾ См. №№: XX и XXI, стр. 37 и 38.

Шентыцкій и Сильвестръ Тваровскій съѣхались въ началѣ 1681 года въ Варшаву и въ присутствіи нунція приняли унію; здѣсь-же они окончательно уладили недоразумѣнія съ представителями уніятской гіерархіи и заручились окончательно поддержкою правительства. Для того, чтобы спомоществовать распространенію уніи, Шумлянскій, совмѣстно съ уніятскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составили новый проектъ, который и представили на усмотрѣніе правительства. Въ этомъ новомъ проектѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «*modi concordiae ecclesiarum*» (средства къ примиренію церквей), составители требовали, чтобы правительство не только подтвердило всѣ права и привилегіи, раньше пожалованныя уніатамъ, но чтобы оно уравнило совершенно права уніятскаго духовенства съ католическимъ; они требовали мѣстъ въ сенатѣ и въ трибуналахъ для уніятскихъ епископовъ, участія уніятскаго духовенства въ сеймикахъ, неподсудности уніятъ по дѣламъ, касающимся вѣры, свѣтскимъ судамъ и т. п. Эта записка, равно какъ и проектъ, составленный раньше Шумлянскимъ, были рассмотрѣны особою, назначенною королемъ для этой цѣли, комиссіею и выраженные въ нихъ требованія получили почти полное удовлетвореніе; за исключеніемъ такихъ правъ, раздача которыхъ зависѣла отъ сейма, но о доставленіи которыхъ король обязался хлопотать на ближайшемъ сеймѣ, всѣ остальные пункты обоихъ проектовъ были приняты и утверждены королемъ и сенаторами ¹⁾.

Наконецъ, въ заключеніе, Шумлянскій вручилъ правительству записку, въ которой подробно излагалась вся программа дальнѣйшаго распространенія уніи. Главнымъ условіемъ этой программы Шумлянскій полагалъ тайну: онъ требовалъ, чтобы актъ принятія уніи имъ и его сподвижниками

---

¹⁾ См. № XXIII и XXIV, стр. 41 и 43.

хранился въ архивѣ, и ни въ какомъ случаѣ не подвергался бы публикаціи; необходимость тайны онъ мотивировалъ слѣдующими указаніями: высшее духовенство, православные дворяне и церковныя братства немедленно откажутъ въ повинненіи своимъ пастырямъ; православные составятъ между собою союзъ во всѣхъ епархіяхъ для противудѣйствія уніи и будутъ ей сопротивляться до послѣдней крайности; они могутъ искать поддержки и покровительства у иностранныхъ державъ; духовенство будетъ на исповѣди укрѣплять въ вѣрѣ мірянъ; въ крайности православные будутъ бѣжать за предѣлы речисполитой даже въ Турцію, ибо подъ тиранскимъ ярмомъ Турокъ они предпочтутъ поселиться, пользуясь тамъ свободою вѣроисповѣданія; правительство-же не найдетъ средствъ для распространенія уніи, такъ какъ при возрастающемъ раздраженіи нечего и думать о миролюбивомъ убѣжденіи, а на насиліе теперь трудно было-бы полагаться среди военного времени и при общей солидарности всѣхъ православныхъ; такимъ образомъ, по мнѣнію Шумлянскаго, дѣло, при огласкѣ его, могло-бы кончиться только избіеніемъ пастырей уніатовъ. Потому Шумлянскій совѣтовалъ сдѣлку держать въ тайнѣ, а между тѣмъ употреблять другія средства: уравнивать во всѣхъ правахъ уніятское духовенство съ католическимъ и подтвердить это уравненіе сеймовою конституціею; назначать частые соборы и съѣзды для уніятскаго духовенства и, какъ будто игнорируя различіе между православіемъ и уніею, присутствіе на съѣздахъ сдѣлать обязательнымъ для православныхъ духовныхъ, подъ страхомъ лишенія должностей за неявку; преслѣдовать духовныя лица, несогласныя принять унію, путемъ административнымъ: лишать ихъ должностей и примѣнять къ нимъ законы, постановленныя о бунтовщикахъ; наконецъ употребить всѣ усилія для того, чтобы обратить въ унію православныхъ дво-

рянъ и болѣ видныя лица изъ числа членовъ православныхъ братствъ ¹⁾).

Программа эта была цѣликомъ принята польскимъ правительствомъ и съ 1681 года въ теченіи 30 лѣтъ противъ православія направляются враждебныя дѣйствія по начертанному въ ней плану. Православіе, успѣшно выдержавшее въ теченіи XVII вѣка натискъ, веденный путемъ насилія, теперь подвергается болѣе опасному нападенію. Враги прикрываютъ свои дѣйствія тайною, недомолвками, умышленнымъ непониманіемъ терминовъ, неясностью положенія лицъ и партій, они не требуютъ общаго согласія на унію и тѣмъ не даютъ возможности гласнаго протеста—борьба размельчается на безконечный рядъ отдѣльныхъ случаевъ и отдѣльныхъ административныхъ преслѣдованій и поощреній; но какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ никогда не выставляется наружу главная ихъ побудительная причина: согласіе или несогласіе на унію; напротивъ того она тщательно прикрывается посторонними обстоятельствами, личными побужденіями, требованіями каноническаго права и т. п. Принявшіе въ тайнѣ унію православные епископы и духовные—скрываютъ свое отступничество и требуютъ себѣ повиновенія отъ духовенства и паствы во имя сана, которымъ они облечены были по чину православной церкви; не повинующихся имъ судятъ, удаляютъ отъ должностей не за разногласіе по дѣламъ вѣры, а за сопротивленіе властямъ постановленнымъ православною церковью; правительство и дворяне оказываютъ дѣятельную помощь этимъ лже-пастырямъ и объясняютъ свои дѣйствія, въ случаѣ жалобъ обиженныхъ или вмѣшательства русскаго правительства, утверждая, что они не только не преслѣдуютъ православія, но, напротивъ того, прилагаютъ усилія къ водворенію

¹⁾ См. № XXV, стр. 47.

порядка и упроченію церковной власти въ православной церкви по прозвѣдъ православныхъ пастырей. Лицемеріе укорѣняется до такой степени, что всѣ власти какъ будто забываютъ отличіе между уніятами и православными и названія: унія, дизунія, схизма совершенно исчезаютъ изъ административнаго лексикона почти до половины XVIII столѣтія. Центральное правительство и второстепенныя власти, трибуналы и городскіе суды, помѣщики и ихъ управляющіе знаютъ только, что есть пресвитеры и міряне «ritus graeci», но отличій между исповѣдующими эту вѣру не замѣчаютъ. Въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ этому времени, нѣтъ возможности рѣшить когда дѣло идетъ о православномъ, и когда объ уніатскомъ духовенствѣ и только по гоненіямъ и оскорбленіямъ, сыпавшимся на однихъ лицъ, и по милостямъ, расточаемымъ въ пользу другихъ, мы можемъ догадываться о безпрестанной, замаскированной работѣ въ пользу уніи.

Опустивъ такимъ образомъ завѣсу на свои дѣйствія, приверженцы уніи принялись безпрепятственно за дѣло, не опасаясь ни серьезной и обширной реакціи со стороны православныхъ, ни заступничества за нихъ Россіи; напротивъ того, послѣднее они умѣли обратить въ свою пользу и употребить какъ орудіе къ уничтоженію православной іерархіи. По Московскому договору, заключенному съ Россіею въ 1686 году, польское правительство обязалось оставить неприкосновенными православныя епископіи: Луцкую, Галицкую, Перемышльскую, Львовскую и Бѣлорусскую. Но въ опредѣленіи этихъ епископскихъ кафедръ оно ясно руководилось принятымъ имъ планомъ дѣйствій: 4 изъ нихъ находились уже въ рукахъ тайныхъ уніатовъ: Львовскою и, соединенною съ нею, Галицкою управлять Іосифъ Шумлянскій, Перемышльская была отдана Иннокентію Винницкому, Луцкая — послѣ избранія князя Гедона Четвертинскаго въ митрополиты Кіевскіе—до-

сталась брату Іосифа Шумлянскаго — Аѳанасію. Оставалась одна отдаленная Бѣлорусская епархія, которой суждено было, правда съ значительными перерывами, просуществовать до самаго паденія речипосполитой. Но епископы Бѣлорусскіе не были въ состояніи руководить дѣлами православной церкви на всемъ пространствѣ Литовско-русскихъ земель, тѣмъ болѣе, что они встрѣтили въ этомъ отношеніи препятствіе со стороны православной Кіевской митрополіи, оспаривавшей у Бѣлорусскихъ епископовъ власть надъ ближайшею даже къ ней территоріею, какъ это увидимъ подробнѣе въ разсказѣ о Бѣлорусскомъ епископѣ, князѣ Сильвестрѣ Четвертинскомъ.

Разрушивъ такимъ образомъ православную гіерархію, занявъ ея епархіи въ качествѣ православныхъ, тайные уніаты воспользовались и другою статьею Московскаго договора; въ силу этой статьи Кіевъ былъ уступленъ Россіи на вѣчныя времена — слѣдовательно митрополитъ православный долженъ былъ пребывать внѣ границъ речипосполитой и подчинился духовной власти Московскаго патріарха. Обстоятельствомъ этимъ воспользовалась, въ качествѣ мнимыхъ ревнителей старины, уніатская интрига; будто отстаивая зависимость Кіевской церкви отъ патріарха Константинопольскаго, лже-православные епископы потребовали отдѣленія отъ Кіевского митрополита и назначенія отдѣльнаго духовнаго архипастыря, но, не желая съ другой стороны нарушать права уніатскаго митрополита, претендовавшаго также на титулъ митрополита Кіевского, они ограничились назначеніемъ особаго будто-бы для православныхъ, «администратора (блюстителя) Кіевской митрополіи»; должность эта поручена была, согласно обѣщанію, данному еще при переходѣ его въ унію, Іосифу Шумлянскому. Уже нѣсколько раньше онъ получилъ отъ короля дипломъ на званіе Кіево-печерскаго архимандрита и введенъ былъ во владѣніе богатыми имѣніями, принадлежавшими Кіевскимъ

митрополитамъ и Кіевонечерской лаврѣ, оставшимися въ предѣлахъ речипосполитой; онъ пользовался ими до смерти (1708) и передавъ ихъ во владѣніе своимъ наслѣдникамъ по кафедрѣ—уже явнымъ уніатамъ ¹⁾).

Упрочивъ за собою власть надъ православнымъ духовенствомъ, находившимся въ предѣлахъ речипосполитой, Иосифъ Шумлянскій принялся дѣятельно за водвореніе уніи, согласно начертанному имъ плану. Продолжая съ удивительнымъ безстыдствомъ выдавать себя за православнаго, увѣряя въ этомъ письменно и Константинопольскаго патріарха и русское правительство, онъ испрашивалъ ихъ содѣйствія для того, чтобы воспретить Кіевскимъ митрополитамъ вступаться въ управленіе православною церковью въ предѣлахъ речипосполитой, такъ какъ по волѣ польскаго правительства управленіе это поручено ему. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разорвать всякую связь между подвѣдомственнымъ ему православнымъ духовенствомъ и Кіевскою митрополіею: онъ обратился окруженнымъ посланіемъ къ дворянамъ, приглашая ихъ оказать ему содѣйствіе и принудить священниковъ, занимавшихъ приходы въ ихъ селахъ, признать надъ собою власть Шумлянскаго и подчиниться распоряженіямъ назначенныхъ имъ намѣстниковъ ²⁾; за тѣмъ всѣхъ священниковъ и монаховъ, отверженныхъ къ Кіеву и не желавшихъ подчиниться его власти, онъ предавалъ проклятію, отдавалъ подъ судъ, заключалъ въ темницы, лишалъ приходовъ и конфисковалъ ихъ имущества; намѣстники его разъѣзжали по приходамъ, отбирали

---

¹⁾ См. ММ: XXXVI, стр. 72; XXXVIII, стр. 76; XLIII, стр. 87; CXII, стр. 247; CXXIX, стр. 295.

²⁾ См. № XXXVII, стр. 74.

отъ священниковъ антимины и св. муро, выданные Кіевскими митрополитами и передавали эти предметы Шумлянскому, который публично надъ ними ругался и плевалъ на нихъ; въ замѣнъ-же они выдавали новые, собирая по этому случаю особую денежную плату ¹⁾).

Слѣдуя такому образу дѣйствій, Шумлянскій пользовался весьма дѣятельною поддержкою правительства, подкрѣплявшаго постоянно его власть административными распоряженіями, а также горячимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ дворянъ. Правительство, какъ будто стараясь только водворить правильный порядокъ въ гіерархіи православной церкви, будто не понимая истиннаго значенія дѣятельности Шумлянскаго, стало поддерживать его распоряженія всеми, зависѣвшими отъ него, мѣрами въ тѣхъ областяхъ, гдѣ большинство народонаселенія принадлежало еще къ православію; и въ то же время оно принимало рѣшительныя мѣры въ пользу уніи и къ искорененію православія тамъ, гдѣ обстоятельства казались болѣе благопріятствовавшими его цѣлямъ. Такъ король сталъ раздавать церковныя должности и бенефиціи, бывшія въ его распоряженіи, исключительно тѣмъ лицамъ, о сочувствіи которыхъ къ уніи онъ былъ удостовѣренъ Шумлянскимъ; въ актовыхъ свидѣтельствахъ можемъ указать рѣзкій примѣръ такого образа дѣйствій: въ 1681 г. богатая Овруцкая архимандрія была отдана королемъ сообщнику Шумлянскаго, Сильвестру Тваровскому, не смотря на то, что братією и мірянами православными выбранъ былъ въ Овруцкіе архимандриты инокъ преданный православію, Иннокентій Монастырскій; послѣдній рѣшился не допускать Тваровскаго къ

---

¹⁾ Описаніе Кіевософійскаго Собора и Кіевской гіерархіи стр. 206 и 212.

занятію должности; но король обратилъ серьезное вниманіе на это дѣло: противъ Монастырскаго, подъ видомъ частныхъ исковъ, возбуждено было юридическое преслѣдованіе, притомъ явились угрозы противъ личной его безопасности; онъ долженъ былъ удалиться въ Кіевъ, послѣ чего король обратился съ грознымъ универсаломъ къ православнымъ дворянамъ воеводствъ: Кіевского, Брацлавскаго и Черниговскаго, предписывая имъ не вступаться въ дѣло объ Овруцкой архимандріи и не поддерживать Монастырскаго, угрожая въ противномъ случаѣ объявить не повинующихся его приказанію врагами отечества и взыскать съ cadaго изъ нихъ штрафъ въ 50,000 злотыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ король отправилъ письмо къ Кіевопечерскому архимандриту, Иннокентію Гизелю, требуя, чтобы онъ выдалъ церковные сосуды, облаченія, документы и казну, принадлежащія Овруцкой архимандріи, и увезенные Монастырскимъ въ Кіевъ, и чтобы подвергнулъ послѣдняго судебной отвѣтственности за незаконное будто присвоеніе себѣ титула Овруцкаго архимандрита. Между тѣмъ, въ ожиданіи исхода дѣла, онъ пополнилъ доходы Тваровскаго привилегіею, дозволявшею ему вести безпоплинную торговлю солью въ предѣлахъ речипосполитой ¹⁾. Въ послѣдствіи, послѣ смерти Тваровскаго, король, по рекомендаціи Шумлянскаго, передалъ Овруцкую архимандрію свѣтскому лицу — Климентію Домарадзкому, не смотря на то, что, по существовавшимъ законамъ, послѣдній не имѣлъ права занимать высшую церковную должность, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ дворянскому сословію; тѣмъ не менѣе Дамарадзкій былъ рукоположенъ въ пресвитеры Шумлянскимъ и занялъ архимандрію; о выборѣ его братіею на этотъ разъ не было и рѣчи ²⁾. Раз-

¹⁾ См. №№: XXVI, стр. 50; XXXII, стр. 62; XXXIII, стр. 65; и XXXI, стр. 60.

²⁾ См. №№: XLIV, стр. 89 и XLV, стр. 91.

давая высшія духовныя должности приверженцамъ уніи, правительство заботилось не менѣе и о томъ, чтобы лица эти были по возможности лучше обеспечены доходами и имѣніями, съ другой-же стороны оно конфисковало при каждомъ удобномъ случаѣ имущество, принадлежавшее православнымъ духовнымъ и монастырямъ. Выше было уже указано на переходъ имѣній Кіевской митрополии и Кіево-печерской лавры въ руки Шумлянскаго, фактъ этотъ былъ далеко не исключительнымъ явленіемъ; основываясь на томъ-же предлогѣ, т. е. указывая на уступку Кіева Россіи по трактату на вѣчныя времена, правительство, немедленно послѣ заключенія договора, объявило, что оно считаетъ всѣ имущества Кіевскихъ монастырей, оставшіяся въ предѣлахъ речипосполитой, вакантными, т. е. оставшимися безъ владѣльца, и стало раздавать ихъ, по своему усмотрѣнію, различнымъ лицамъ и учрежденіямъ; большинство этихъ имѣній было передано уніатамъ, другія пожалованы были особыми привилегіями дворянамъ; наконецъ, эти послѣдніе, захватили многія монастырскія имѣнія безъ всякой грамоты и оставили ихъ безпрепятственно въ своемъ владѣніи, при чемъ дворяне обращали мало вниманія на то, принадлежитъ-ли извѣстное имѣніе одному изъ Кіевскихъ монастырей или такому монастырю, который остался въ границахъ речипосполитой? Такимъ образомъ, отчасти путемъ административныхъ распоряженій, отчасти путемъ захвата, въ руки уніятскаго духовенства и дворянъ католиковъ перешли богатія помѣстья, принадлежавшія монастырямъ: Кіево-Михайловскому, Кіевскому Пустынно-Николаевскому, Кіевскому Братскому, Межигорскому, Дерманскому, Дубенскому и т. д.¹⁾

¹⁾ См. МѢ: XIX, стр. 34; XXXIV, стр. 67; XXXIX, стр. 78; XL, стр. 80; XLI, стр. 82; LI, стр. 106; LXI, стр. 125; LXIII, стр. 130; CXVI, стр. 350; CLXVIII, стр. 374.

При этомъ ясенъ былъ расчетъ правительства: стѣснить православное духовенство въ матерьяльномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ манить его въ унію богатыми бенефіціями, предоставляемыми уніятамъ.

Дѣйствуя административною властью весьма рѣшительно въ отдѣльныхъ случаяхъ, правительство не забывало и общихъ законоположеній, клонившихся къ той-же цѣли. Такъ на сеймѣ 1699 года изданы были два новые законы, носившіе слѣды ясно враждебнаго отношенія къ православію. На сеймѣ этомъ подтверждены были всѣ привилегіи, пожалованныя раньше уніятамъ и, сверхъ того, изданъ новый законъ, которымъ «мѣщане, правдивые уніаты, объявлены исключительно способными къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей» отъ которыхъ православные навсегда устранились. На томъ-же сеймѣ чины речипосполитой разсуждали объ устройствѣ Подолія, возвращеннаго отъ Турціи по Карловицкому трактату; при этомъ случаѣ, опредѣляя права жителей этого воеводства, сеймъ постановилъ законъ, по которому православнымъ запрещено было селиться въ Каменцѣ, наравнѣ въ евреями¹⁾. Приводя въ исполненіе это сеймовое постановленіе, комиссія, назначенная королемъ для пріема города, опечатала всѣ православныя церкви и одну изъ нихъ: церковь св. Іоанна, передала уніатамъ. При этомъ случаѣ произошло странное столкновеніе комиссаровъ съ Шумлянскимъ: послѣдній, не дожидая комиссіи, явился раньше ея въ Каменецъ въ сопровожденіи надворной своей хоругви, и сталъ принимать православныя церкви въ свое вѣденіе, но вслѣдъ за нимъ пріѣхали комиссары, и, не зная о существованіи его интимной сдѣлки съ правительствомъ, объявили его дѣйствія противузаконными и заставили его удалиться,

---

¹⁾ Volumina legum, т. VI, стр. 35, § 19 и 21.

угрожая, въ противномъ случаѣ, употребить военную силу;— затѣмъ они рѣшили представить дѣло на обсужденіе сейма и подвергнуть Шумлянскаго отвѣтственности передъ военнымъ судомъ, какъ нарушителя безопасности крѣпости. Конечно послѣ разъясненія дѣла, излишняя ревность комиссаровъ унялась и церкви были переданы епископу, который подвергался опасности разстрѣліянія, еслибы оказался дѣйствительно православнымъ ¹⁾.

Сколько однако ни были враждебны православію всѣ исчисленныя административныя распоряженія и законодательныя постановленія правительства, они даютъ только слабое понятіе о томъ горестномъ положеніи православной церкви, въ которомъ она находилась въ речипосполитой съ послѣдней четверти семнадцатаго столѣтія; самыя чувствительныя и нестерпимыя преслѣдованія православное духовенство и міряне должны были выносить отъ дворянъ, старавшихся повсемѣстно, наперерывъ одинъ передъ другимъ, заявить свой религіозный прозелитизмъ. При томъ государственномъ устройствѣ, которое составляло отличительную черту речипосполитой, при неограниченномъ полномъ власти дворянскаго сословія, при отсутствіи исполнительной власти и полицейскихъ учрежденій и при томъ низкомъ уровнѣ просвѣщенія, на которомъ стояла масса дворянскаго сословія, религіозное рвеніе могло выразиться только въ одной изъ тѣхъ формулъ фанатическаго самодурства и безобразнаго насилія, среди которыхъ медленно разлагалось шляхетское общество въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій существованія речипосполитой. Тяжело было положеніе православныхъ, когда они сдѣлались мишенью для шляхетскаго своеволія и положеніе ихъ было тѣмъ тяжелѣе, что гнетъ со стороны дворянъ, хотя повсемѣстный, но не вытекалъ изъ

---

¹⁾ См. № LIX, стр. 122.

строго опредѣленной программы, не былъ однороденъ и не давалъ, такимъ образомъ, возможности ни предъугадать грозившую въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опасность, ни принять извѣстный, опредѣленный образъ дѣйствій для того, чтобы ее миновать или оказать ей противудѣйствіе. Въ каждой данной мѣстности судьба православнаго священника и его прихожанъ зависѣла отъ расположенія духа, каприза или корыстолюбія владѣльца села или мѣстечка; но умилостививъ послѣдняго, православные далеко еще не были безопасны: дворянинъ сосѣдъ, партія проходившихъ жолнеровъ, настоятель ближайшаго католическаго костела, иногда просто проѣзжій шляхтичъ, вдругъ неожиданно воодушевлялись фанатическимъ рвеніемъ и, въ видѣ нечаянной грозы, обрушивались на несчастный приходъ; — факты же, которыми выражалось это рвеніе, не удовлетворяли требованіямъ самой элементарной нравственности. Среди огромнаго количества актовыхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ все вышесказанное, укажемъ нѣкоторые примѣры, для того, чтобы представить наглядную характеристику положенія, въ которомъ находилась православная церковь въ описываемое время.

Въ значительной части случаевъ гоненіе, воздвигаемое шляхтичами на православіе, помимо религіознаго фанатизма, находило побужденіе и въ своекорыстіи; грабежъ церковнаго имущества, захватъ земель церковныхъ или присвоеніе себѣ имущества, принадлежавшаго православному духовенству, составляли не маловажный мотивъ, подвигавшій дворянъ на душеспасительные, по ихъ мнѣнію, подвиги; они не прочь были соединить пріятное съ полезнымъ и, разрушая «схизму», увелечить на ея счетъ свое личное состояніе, прикрывъ грабежъ благочестивымъ предлогомъ. Такъ напримѣръ, дворяне, жившіе ближе къ Кіеву, не удовлетворились доставшеюся имъ, въ силу королевскихъ привилегій, долею имѣній Кіевскихъ

монастырей; они, подъ предлогомъ противудѣйствія вліянію Кіевскаго духовенства, врывались въ имѣнія, оставшіяся еще нерозданными или лежавшія за рубежемъ речи-посполитой и производили всевозможныя насилія: грабили имущество, монастырское, увѣчили и били братью, причетниковъ, монастырскихъ крестьянъ и т. п. Изъ перечня обидъ, причиненныхъ пограничными шляхтичами Кіево-братскому монастырю, мы узнаемъ, что въ теченіе 30 лѣтъ (1727—1757) пограничные шляхтичи врывались болѣе 20 разъ черезъ границу въ имѣнія, принадлежавшія этому монастырю и производили въ нихъ всевозможныя безчинства¹⁾. Одинъ изъ такихъ набѣговъ подробно описанъ въ жалобѣ игумена Кіевскаго Кириловскаго монастыря, Евстратія Самборовича. Изъ жалобы этой узнаемъ, что въ 1743 году дворянинъ Александръ Щеневскій, вооруживъ значительный отрядъ людей и пригласивъ сосѣда, Александра Шумлянскаго, также съ вооруженною толпою слугъ и крестьянъ, отправился въ походъ на село Андріевку, принадлежавшее Кириловскому монастырю; явившись на разсвѣтъ, союзники вбѣжали въ село и стали рубить и стрѣлять по всѣмъ встрѣчнымъ, нанесли тяжелыя раны монаху Бонькевичу, изрубили монастырскихъ слугъ и крестьянъ и ограбили все движимое имущество монастырское и монастырскихъ подданныхъ²⁾.

Если изъ указанныхъ фактовъ явствуется, что ни русская граница, ни покровительство русскаго правительства не могли удержать буйныхъ шляхтичей, то послѣдніе, конечно еще менѣе стѣснялись въ предѣлахъ речи-посполитой; здѣсь грабежи церковей и духовенства и захватъ церковной земли составляютъ самое обыкновенное явленіе; такъ, наприимѣръ,

¹⁾ См. № ССІХ, стр. 518.

²⁾ См. № СLXIV, стр. 365.

жолнеры панцырной хоругви нападаютъ ночью на церковь въ селѣ Хлуплянахъ, выбиваютъ въ ней двери и уносятъ изъ нея не только церковное имущество, но и частное, сложенное въ церкви для большей безопасности прихожанами ¹⁾. Такъ шляхтичи захватываютъ, безъ всякаго права, имущество отказанное по завѣщанію въ пользу Кременецкаго братства и обращаютъ его въ свою личную пользу ²⁾. Болѣе другаго имущества подвергались захвату со стороны шляхтичей церковныя и монастырскія земли: такъ мы встрѣчаемъ жалобу игумена Бѣлостоцкаго монастыря (на Волини), Θεодосія Подольскаго, на дворянина Шимона Жабокрицкаго о томъ, что онъ объявилъ своею собственностью земли, издавна принадлежавшія монастырю, и, если встрѣчалъ братію или монастырскихъ слугъ на этихъ земляхъ, то стрѣлялъ въ нихъ, рубилъ саблею и наносилъ имъ тяжелые побои; вслѣдъ за тѣмъ онъ захватилъ монастырскую мельницу и объявилъ монахамъ, что, въ случаѣ сопротивленія, онъ будетъ стрѣлять въ нихъ при каждой встрѣчѣ ³⁾. У другаго Волинскаго монастыря, Перекальскаго, земли были отняты дворянами Чеконскими; когда игумень отправился пахать свое поле, то туда-же пріѣхала Чеконская, приказала слугамъ прогнать плугъ монастырскій и сама, выскочивъ изъ коляски, стала бить игумена и вцѣпилась ему въ бороду ⁴⁾. Въ Овручѣ Доминиканскіе монахи присвоили себѣ не только пахатныя земли, принадлежавшія православному монастырю, но приказали обнести оградой, присоединяя къ своей усадьбѣ, мѣста, принадлежавшія монастырю, въ самомъ городѣ, и въ томъ

---

¹⁾ См. № XLVIII, стр. 97.

²⁾ См. № LXXIII, стр. 158.

³⁾ См. № LXII, стр. 127.

⁴⁾ См. № LXXXIII, стр. 183.

числѣ мѣсто, на которомъ была построена православная церковь; захватъ этотъ сопровождался, по обыкновенію, грабежомъ движимаго имущества и личными оскорбленіями ¹⁾. Въ Острогѣ городскій подстароста, Ледуховскій, отнялъ у православной церкви св. Николая земли, отказанныя въ пользу ея еще въ XIV столѣтіи княземъ Даниломъ и княгинею Василиею Острожскими и приказалъ вырубить лѣсъ, принадлежавшій этой церкви; когда-же протоіерей Терпиловскій обратился къ нему съ представленіями и указалъ на свои права, то Ледуховскій, не оспаривая послѣднихъ, отвѣтилъ «я воленъ отнять у церкви то, что ей пожаловано моими предшественниками», и оставилъ земли въ своемъ пользованіи ²⁾. Въ окрестности Острога владѣлецъ села Загаецъ, дворянинъ Влендовскій, отнялъ земли у Загаецкаго монастыря, отказанныя его основательницею, Региною Боготиновою Ярмолинскою; онъ приказалъ разрушить межи и межевые знаки, отдѣлявшіе эти земли отъ его собственныхъ, истребилъ монастырскій лѣсъ, и завладѣлъ рыбными ловлями, угрожая монахамъ побоями въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны ³⁾. Въ мѣстечкѣ Брагинѣ церковныя земли, отписанныя нѣкогда въ пользу церкви св. Николая князьями Вишневецкими, были захвачены владѣльцемъ сосѣдняго села Глуховичъ, дворяниномъ Шукштою, и когда настоятель, священникъ Іоакимъ Давидовичъ, явился на свое поле, то Шукшта отправилъ туда же, въ сопровожденіи толпы слугъ, священника своего села, уніята Бернацкаго; послѣдній напалъ на Давидовича, повалилъ его на землю, истязалъ его всячески, рвалъ у него

---

¹⁾ См. № LVIII, стр. 120.

²⁾ См. № CXXXIV, стр. 306.

³⁾ См. № CLVII, стр. 352.

волосы и бороду и прогналъ съ церковнаго поля ¹⁾. Еще чаще встрѣчаются факты самаго безцеремоннаго грабежа личнаго имущества православныхъ священниковъ: шляхтичи помѣщики отбираютъ хлѣбъ, скотъ, повозки, лошадей, одежду и вообще всякое движимое имущество, то врываясь въ дома священниковъ, то нападая на нихъ при встрѣчѣ на дорогѣ; на всякія-же требованія возврата, они отвѣчаютъ угрозами, оскорбленіями и побоями ²⁾; по временамъ отрядъ проходящихъ жолнеровъ, соображая, что въ домѣ священника можно найти поживу, немедленно врывается съ обнаженными саблями, грабятъ все, что попадаетъ подъ руку, остальное истребляетъ, домашнимъ наноситъ побои и увѣчья и, совершивъ подвигъ, спокойно отправляется въ дальнѣйшій путь ³⁾.

Корыстные цѣли далеко впрочемъ не составляли единственнаго мотива, побуждавшаго шляхту къ преслѣдованію православнаго духовенства; мы встрѣчаемъ еще въ большемъ количествѣ случаевъ оскорбленія и обиды православнаго духовенства, не сопряженныя съ желаніемъ завладѣть его имуществомъ. Въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ уже чистый фанатизмъ религіозный, выразившійся въ формахъ, соотвѣтствовавшихъ нравственному и умственному уровню той среды, въ которой онъ проявлялся. По основному началу каждаго аристократическаго общества, члены его признаютъ право обсужденія и свободнаго дѣйствія только за членами своего сословія; всякое несогласіе низшихъ сословій съ мнѣніемъ сословія привилегированнаго есть въ глазахъ послѣдняго

---

¹⁾ См. №№: CLXXIX, стр. 397 и CLXXXIV, стр. 407.

²⁾ См. №№: XLVII, стр. 95; LXX, стр. 153; CVII, стр. 232; CXI, стр. 243; CXXII, стр. 275.

³⁾ См. № L, стр. 104.

противузаконіе, и если аристократическое сословіе не сдерживается другими общественными элементами, то оно готово всѣми мѣрами стремиться къ подавленію несогласія и къ установленію въ каждомъ данномъ вопросѣ своего образа мыслей путемъ насилія. Смѣшивая и отождествляя, умышленно или неумышленно, интересы своего сословія съ интересами всего общества и государства, судьбами котораго ей удалось овладѣть, аристократія готова всегда признать врагами общественного спокойствія и порядка тѣ лица, учрежденія или сословія, которыя не повинуются безпрекословно всѣмъ требованіямъ господствующаго класса: она готова преслѣдовать ихъ какъ враговъ отечества, какъ лицъ, не имѣющихъ права пользоваться покровительствомъ закона; если притомъ масса господствующаго сословія усвоила только весьма слабую степень цивилизаци и развитія, то преслѣдованіе является со всѣми признаками личнаго произвола и непониманія самыхъ простыхъ правилъ уваженія человѣческой личности. На такой степени развитія находилось именно дворянское сословіе въ речи-посполитой въ описываемое время, когда несогласіе по религіозному вопросу побудило его направить преслѣдованіе противъ православнаго населенія края; каждый дворянинъ не допускалъ возможности, чтобы люди недворянскаго происхожденія могли разсуждать о вопросахъ, касавшихся хотя-бы только собственной совѣсти, иначе, чѣмъ разсуждали шляхтичи на сеймахъ и сеймикахъ. Противудѣйствіе уни, которую одобрило и поддерживало дворянское сословіе, каждый дворянинъ считалъ противузаконіемъ, бунтомъ и считалъ себя въ правѣ распорядиться съ каждымъ православнымъ, какъ съ лицомъ стоящимъ внѣ законовъ. Не удивительно потому, если мы начитываемъ въ актахъ безчисленное количество свидѣтельствъ о самыхъ варварскихъ поступкахъ, не вызванныхъ, повидимому, никакою причиною, жертвами кото-

рыхъ были повсемѣстно православные, особенно духовныя лица. Поступки эти, повторяясь на пространствѣ обширной территоріи и въ теченіи весьма продолжительнаго времени, не вытекали изъ строго обдуманнаго плана дѣйствій; они имѣли основаніе гораздо болѣе прочное — во всемъ внутреннемъ складѣ речи-посполитой, въ полновластїи дворянства, въ его слабомъ развитіи и въ полномъ на него вліяніи езуитскаго ордена. Факты, вытекавшіе изъ такого положенія дѣла, представляютъ тѣмъ не менѣ самую печальную картину. Каждый православный, особенно духовное лицо, былъ ежеминутно въ опасности подвергнуться самымъ безчеловѣчнымъ оскорбленіямъ и обидамъ: встрѣчался-ли шляхтичъ съ священникомъ на рынкѣ въ городѣ, онъ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ или даже вовсе безъ предлога, заводилъ ссору и наносилъ ему публично побои; увидѣлъ-ли помѣщикъ, что священникъ занимается бесѣдою съ крестьянами, онъ бросался на него, опрокидывалъ на землю, билъ каблуками и палкою, рвалъ у него волосы; наткнулся-ли панъ на жену священника, скупавшую провизію на базарѣ, онъ чувствовалъ обязанность отпустить ей, безъ всякаго повода, нѣсколько ударовъ нагайкою; иной разъ шляхтичъ, напившись, бѣгалъ по городу съ обнаженною саблею и для потѣхи пробовалъ силу удара на попавшемся священникѣ. Если обиженные пытались остановить обидчика указаніемъ на свое духовное званіе, то шляхтичъ отвѣчалъ нахально, что только католическіе есендзы—дворяне и имъ онъ обязанъ оказывать почтеніе—«попы же—мужики» и потому имъ нечего ссылаться на свой духовный санъ¹⁾. Въ домѣ у себя священникъ былъ также мало

¹⁾ Составилась даже поговорка, приведенная въ одномъ изъ актовъ: «Co xiądz—to szlachcic, co pop—to chłop». См. ММ: LX, стр. 123; LXXXIV, стр. 185; XCIV, стр. 208; CXXXV, стр. 308; CXLVII, стр. 333.

безопасенъ, какъ и внѣ его; подъ пустымъ предлогомъ, чаще безъ всякаго предлога, помѣщики или помѣщица врываются въ его домъ, били и истязали какъ самого священника, такъ и членовъ его семейства, расточали оскорбленія и бранныя слова, нерѣдко заключали хозяина въ свою дворовую тюрьму и держали въ ней по произволу, или дозволяли, для большаго, по ихъ мнѣнію, посрамленія, совершать всѣ эти безчинства надъ священникомъ еврею-откупщику ¹⁾).

Вотъ для примѣра нѣсколько болѣе подробныхъ рассказовъ: въ селѣ Врублевцахъ, въ окрестности Каменца, помѣщикъ Кобельскій старался всѣми средствами выжить изъ села священника; однажды, напившись, онъ вызвалъ послѣдняго на улицу и, сидя верхомъ, схватилъ его за одежду и потащилъ за село; здѣсь онъ рвалъ ему бороду, пытался отрубить ее саблею, нанесъ нѣсколько ранъ и ударовъ какъ самому священнику, такъ и его женѣ, прибѣжавшей молить о пощадѣ, и отпустилъ только тогда, когда священникъ обѣщалъ ему унѣзатить 40 талеровъ выкупу; но этимъ дѣло не кончилось; Кобельскій нѣсколько разъ возобновлялъ нападенія и заставлялъ священника сначала скрываться у прихожанъ и, наконецъ, совершенно бѣжать изъ села ²⁾. Въ селѣ Скородномъ, въ Полѣсьи, помѣщикъ Прушинскій долго преслѣдовалъ приходскаго священника своего села—Іосифа Загоровскаго, заставляя его служить въ церкви согласно съ своими указаніями (т. е. вѣроятно по уніятскому ритуалу); встрѣчая упорное сопротивленіе съ его стороны, онъ нѣсколько разъ страшно его истязалъ передъ церковью и, наконецъ, прогналъ

---

¹⁾ См. ММ: LXIII, стр. 130; CXIII, стр. 250; CXIV, стр. 252; CXLIII, стр. 327; CXLIV, стр. 328; CXLIX, стр. 336; CLXIII, стр. 364; LXXVIII, стр. 167 и CXLI, стр. 322.

²⁾ См. № CXVII, стр. 259.

изъ села, ограбивъ все имущество. Изгнанный священникъ нашель пріютъ въ сосѣднемъ селѣ: Медвиднѣ у православнаго дворянина, Федора Павши; но обстоятельство это еще болѣе раздражило Прушинскаго, постоянно враждовавшаго съ Павшею; онъ приказалъ своей дворнѣ поймать священника на дорогѣ и привести въ свой дворъ; здѣсь онъ его посадилъ въ тюрьму, приказавъ надѣть ему на шею «гусакъ» (т. е. толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинъ, съ вырѣзкою для шеи). Узнавъ о случившемся, сынъ священника успѣлъ пробраться въ тюрьму и нѣсколько облегчилъ снарядь, въ которомъ отецъ задыхался; тогда Прушинскій схватилъ сына и избилъ его до такой степени, что его замертво унесли домой, отцу-же, сверхъ «гусака», приказалъ надѣть кандалы и въ такомъ состояніи морилъ его голодомъ и холодомъ двѣ недѣли, пока не принудилъ привести въ церкви присягу въ томъ, что священникъ не удалится болѣе изъ села и во всемъ подчинится требованіямъ помѣщика ¹⁾. Нерѣдко дворяне простирали истязанія до того, что причиняли смерть своимъ жертвамъ; вотъ, для примѣра, подобный случай: по дорогѣ изъ Острога ѣхалъ въ сопровожденіи своей дворни дворянинъ Криштофъ Манецкій; путь его пролегалъ черезъ село Вельбуйное, въ которомъ въ приходской православной церкви случился въ этотъ день храмовой праздникъ. Увидѣвъ стеченіе народа и узнавъ въ чемъ дѣло, Манецкій возгорѣлся ревностію; онъ вѣхалъ верхомъ въ толпу, вышедшую изъ церкви, и замѣтивъ среди народа священника, Стефана Петрыковского, направилъ на него коня и, опрокинувъ на землю, сталъ бить плашмя саблею; только окружавшіе прихожане успѣли освободить изъ его рукъ священника и отвести домой; однако Манецкій не ограничился первымъ нападеніемъ,

¹⁾ См. ЛѢ: CVII, стр. 232; CXI, стр. 243 и CLXXII, стр. 381.

онъ подъѣхалъ къ дому священника и, напедши двери крѣпко запертыми извнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука; упражненіе это онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ стрѣлъ не застѣла въ глазу священника. Пока несчастный мучился въ предсмертныхъ судорогахъ, Манецкій успѣлся писать отъ его имени себѣ-же самому квитанцію, въ которой священникъ будто заявлялъ, что не имѣетъ къ нему никакой претензіи и считаетъ Манецкаго непричастнымъ въ своей кончинѣ. Затѣмъ онъ заявилъ эту квитанцію въ ближайшемъ городѣ и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь ¹⁾.

Среди такихъ отношеній дворянъ къ представителямъ православія, конечно, нельзя было ожидать со стороны первыхъ уваженія и къ православной святынѣ; дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ актахъ многочисленныя свидѣтельства о нападеніяхъ на церкви, о прекращеніи въ нихъ богослуженія вслѣдствіе буйныхъ поступковъ шляхтичей, о разрушеніи православныхъ кладбищъ и т. п. Такъ напримѣръ, вооруженная панская челядь, отправившись на заѣздъ противъ помѣщика съезда, овладѣла церковью въ его имѣніи, расположилась въ ней ночевать, раскладывала костры и разводила огонь въ самомъ зданіи, и, удаляясь на другой день, ограбила его совершенно ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ жолнеры панцырной хоругви ворвались съ оружіемъ въ домъ священника и принялись его истязать; спасаясь отъ нихъ, священникъ искалъ убѣжища въ церкви, но жолнеры послѣдовали за нимъ и у алтаря разрубили ему голову. ³⁾ Далѣе встрѣчаемъ рассказы о томъ, какъ помѣщики врываются верхомъ и съ оружіемъ, въ сопрожде-

¹⁾ См. №№: LXVIII, стр. 145; CLIV, стр. 348; CLV, стр. 349.

²⁾ См. № XXXV, стр. 70.

³⁾ См. № XLVI, стр. 92.

нии толпы слугъ, въ церкви, прерываютъ богослуженіе, заводятъ ссоры съ священниками, произносятъ ругательства, стрѣляютъ и рубятъ въ церкви священниковъ, причетниковъ и прихожанъ¹⁾. Владѣльцу одного села, находящагося вблизи Кременца, надобился строевой матеріалъ; онъ отправилъ работниковъ на православное кладбище, бывшее у Воскресенской церкви, приказавъ имъ разбить надгробныя плиты и кресты и перевезти ихъ въ свое имѣніе. Другому дворянину понадобился садъ въ итальянскомъ вкусѣ, — онъ приказалъ въ своемъ имѣніи разрыть могилы на православномъ кладбищѣ, выбросить кости покойниковъ, сравнять мѣстность и засадить ее деревьями по придуманному имъ плану²⁾ и т. д.

Въ ряду преслѣдованій, испытанныхъ въ то время православнымъ духовенствомъ отъ шляхтичей, есть еще двѣ характеристическія черты, постоянно встрѣчающіяся и тяжело отзывавшіяся въ повседневномъ быту священниковъ—это изгнаніе ихъ помѣщиками изъ приходовъ и требованіе отбыванія барщины въ пользу помѣщика³⁾. Сверхъ того, помѣщики чувствовали себя вправѣ, по своему усмотрѣнію, распредѣлять приходы, требовать отъ священниковъ видоизмѣненій и прибавленій въ литургіи, и вообще вмѣшиваться въ богослуженіе и въ дѣла церковнаго благочинія. Такъ мы встрѣчаемъ тяжebное дѣло между благочиннымъ и подвѣдомственнымъ ему приходскимъ священникомъ, въ которомъ шляхтичъ, управлявшій имѣніемъ, вмѣшивается въ дѣла чисто церковнаго свойства, беретъ подъ свое покровительство приходскаго священника, ясно нарушившаго каноническія правила, освобождаетъ его отъ отвѣтственности

---

1) См. №№: CXV, стр. 254 и CLXV, стр. 369.

2) См. №№: CLXI, стр. 360 и CLXXXI, стр. 401.

3) См., кромѣ указанныхъ выше, № CLII, стр. 343.

передъ церковною властью, наносить благочинному, настаивавшему на своемъ правѣ, оскорбленія и побои и подвергаетъ его отвѣтственности передъ свѣтскимъ судомъ, возводя на него ложныя обвиненія ¹⁾. Въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ тяжбу между двумя мелкопомѣстными владѣльцами одного села, изъ которой видимъ, что одинъ изъ нихъ, въ досаду противнику, принудилъ приходскаго священника поминать себя на эктеніи ²⁾. Среди ссоры, возникшей между управлявшимъ Чернобыльскимъ имѣніемъ, дворяниномъ Польчевскимъ и пріоромъ доминиканскаго Чернобыльскаго монастыря, извѣстнымъ своимъ буйствомъ, патеромъ Варановскимъ, послѣдній отлучилъ Польчевскаго отъ церкви; приводя въ исполненіе это отлученіе, онъ не удовлетворился прекращеніемъ богослуженія въ костелѣ, но приказалъ запереть также всѣ православныя церкви въ Чернобыльскомъ имѣніи и недопустилъ въ теченіи извѣстнаго времени ни звонить въ колокола, ни отправлять въ нихъ богослуженія. Тотъ же Варановскій принудилъ членовъ православнаго братства присутствовать при похоронахъ, крестныхъ ходахъ и другихъ торжественныхъ обрядахъ въ католической церкви ³⁾. Подобное указанному лишеніе прихожанъ возможности присутствовать при богослуженіи и исполнять религіозные обряды, повторялось весьма часто вслѣдствіе вражды между помѣщиками; такъ управляющій Дымерскимъ староствомъ Смигурскій, вслѣдствіе несогласій съ сосѣднимъ помѣщикомъ Искрицкимъ, запретилъ Дымерскому приходскому священнику: допускать къ исповѣди и св. причастію крестьянъ села Дымидова, принадлежавшаго къ Дымерскому приходу, позволять имъ ходить въ церковь, а

---

¹⁾ См. №№ ХСVI, стр. 212 и ХСVII, стр. 213.

²⁾ См. № CLX, стр. 359.

³⁾ См. № XLIX, стр. 100.

также совершать въ Дымидовѣ какія-бы то ни было требы; такимъ образомъ Дымидовскіе крестьяне лишены были возможности крестить младенцевъ, вступать въ бракъ, напутствовать больныхъ и хоронить умершихъ. Другой помѣщикъ не допускалъ вовсе священника въ свое село и побоями заставлялъ его отказаться отъ исполненія требъ въ части своего прихода и т. д. ¹⁾

Подвергаясь безпрестанно указаннымъ обидамъ и оскорбленіямъ, православное духовенство не находило защиты въ судебныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ судьями были тѣже шляхтичи; рѣдка жалоба доходила въ судъ и то развѣ въ такомъ случаѣ, если самъ священникъ принадлежалъ къ дворянскому сословію, или если обида была ему причинена дворяниномъ сосѣдомъ, и помѣщикъ того села, въ которомъ жилъ священникъ находилъ полезнымъ для своихъ интересовъ вчать искъ; но и въ такихъ случаяхъ правосудіе не доставляло истцу никакого удовлетворенія и по большей части навлекло на него лишь новыя гоненія. Такъ гродскій Луцкій судъ разсматривалъ жалобу Острожскаго протоіерея, Андрея Терпиловскаго, на дворянина Збіевскаго, о томъ, что Збіевскій оклеветалъ истца, обвинивъ его въ поджигательствѣ и колдовствѣ, и требовалъ его къ отвѣту въ Львовскій уніятскій консисторскій судъ, котораго власти Терпиловскій не признавалъ надъ собою; разсмотрѣвъ дѣло, судъ нашелъ нужнымъ собрать дополнительныя справки и потому отложилъ его рѣшеніе, а между тѣмъ онъ выдалъ Збіевскому всѣ документы, относившіяся къ дѣлу и не допустилъ протоіерея подать по этому поводу протестъ въ трибуналъ ²⁾. Далѣе мы

1) См. №№: CLXXVI, стр. 390; CXCV, стр. 443; CCVII, стр. 514.

2) См. № LXXXVII, стр. 193.

находимъ жалобу приходскаго священника Ломиковского на дворянина Татомира о томъ, что послѣдній, встрѣтивъ священника на дорогѣ, сталъ поносить его бранными словами за то, что Ломиковскій осмѣлился жаловаться въ судъ на шляхтичей; за тѣмъ Татомиръ бросился на него съ обнаженною саблею и когда случившіеся проѣзжіе люди не допустили его рубить священника, то онъ, удаляясь, заявилъ слѣдующую угрозу: «погоди, попъ, подавай жалобы на шляхту; попытайся обжаловать меня—такъ я твой протестъ на тебѣ же изкрошу!»¹⁾ Въ Кременецкомъ повѣтѣ одинъ изъ ревнителей уніи, дворянинъ Влендовскій, долгое время наносилъ всевозможныя обиды и оскорбленія православнымъ; онъ отнялъ земли у сосѣдняго Загаецкаго православнаго монастыря, выжилъ священника изъ своего села, и когда въ церковь сталъ являться для отправленія богослуженія и исполненія требъ священникъ изъ сосѣдняго села, Іоаннъ Гостыловскій, то онъ грабежемъ, побоями и угрозами принуждалъ его служить по уніятскому обряду; наконецъ, онъ подалъ въ судъ жалобу на священника о томъ, что онъ только для виду будто сохраняетъ уніятское богослуженіе, но въ отсутствіи Влендовскаго сохраняетъ литургію православную. Когда-же священникъ явился въ судъ для отвѣта по этому дѣлу, то Влендовскій въ самомъ присутствіи суда поносилъ его безнаказно бранными словами и грозилъ ему тѣлеснымъ наказаніемъ въ случаѣ дальнѣйшаго ослушанія²⁾).

Между тѣмъ, когда духовенство испытывало повсемѣстно тяжелое гоненіе со стороны шляхтичей, православные дворяне, въ силу давленія общественнаго мнѣнія своей среды, переходили въ католицизмъ и становились ревностными побор-

---

¹⁾ См. № СХХІІІ, стр. 276.

²⁾ См. №№: СLVII, стр. 352; СLVIII, стр. 354 и СLIX, стр. 357.

никами уніи и противниками православія. Иногда случалось, что среди дворянскаго рода находилась личность болѣе стойкая и самостоятельная, не поддававшаяся общественному мнѣнію, и въ такомъ случаѣ ей приходилось выдерживать борьбу не съ духовными и гражданскими властями, а съ сосѣдями и особенно съ родственниками, перешедшими въ католицизмъ. Споры эти возникали обыкновенно изъ одного источника: какой-нибудь предокъ рода считался основателемъ одного изъ сосѣднихъ православныхъ монастырей или мѣстной приходской церкви; вслѣдствіе этого всѣ члены рода, въ качествѣ наслѣдниковъ, считались «коляторами» т. е. ктиторами храма, и, при разногласіи ихъ въ вѣрѣ, родственники католики старались обыкновенно обратить монастырь и церковь въ унію, родственники-же православный заявляли свои права и отстаивалъ неприкосновенность храма; тогда возникала упорная семейная вражда; драки, нападенія, заѣзды переплетались съ жалобами, исками и апелляціями и прекращались по большей части только со смертью православнаго члена рода или съ переходомъ имѣнія, въ которомъ находилась спорная церковь, въ руки посторонняго лица. Такъ напримѣръ, въ Овруцкомъ повѣтѣ жило семейство дворянъ Силичей, состоявшее изъ четырехъ братьевъ и дядей, всѣ они считались ктиторами женскаго православнаго монастыря, основаннаго въ селѣ Сельцѣ ихъ предками. Между тѣмъ дядя и двое изъ племянниковъ перешли въ латинство, два другіе брата оставались православными; со смертью старшаго изъ нихъ—Григорія, на младшаго—Александра, посыпались всевозможныя притѣсненія отъ остальныхъ родственниковъ; дядя и братья, въ сопровожденіи пріятелей и слугъ, производили на его домъ и имѣніе цѣлый рядъ нападеній: они врывались въ монастырь, били и истязали монахинь, сорвали со стѣны въ церкви портретъ умершаго Григорія Силича и т. д. ¹⁾

¹⁾ См. № LIV, стр. 113.

Подобная же семейная ссора записана въ книгахъ Луцкаго града, по поводу несогласій, возникшихъ вслѣдствіе ктиторскаго права на Бѣлостоцкій монастырь. Монастырь этотъ былъ основанъ въ XVII столѣтіи православнымъ епископомъ Перемышльскимъ и Самборскимъ, Симеономъ - Сильвестромъ Гулевичемъ. Двоюродный внукъ его, Іосифъ Гулевичъ, подобно многимъ членамъ своего рода, былъ ревностнымъ защитникомъ православія; между тѣмъ Гулевичи породнились съ Путошинскими—другимъ древнимъ православнымъ родомъ Волынскихъ дворянъ и вслѣдствіе этого часть села Бѣлаго Стока и сосѣднее село Гать перешли въ собственность Путошинскихъ. Двое изъ представителей этого рода—Владиславъ и Богуславъ приняли унію и стали тѣснить Бѣлостоцкій монастырь. Іосифъ Гулевичъ, въ качествѣ ктитора, вступился за братью; Путошинскіе съ толпою слугъ и пріятелей напали неоднократно на монастырь, разоряли его имущество и истязали монаховъ, монастырскихъ слугъ и крестьянъ; Гулевичъ отражалъ нападенія вмѣстѣ съ игуменомъ, совѣтовалъ послѣднему отражать силу силою, и искалъ удовлетворенія съ Путошинскихъ судебнымъ порядкомъ. Долго длилась вражда, пока не разразилась кровопролитною свалкою у монастырской ограды; вслѣдствіе ея Гулевичу удалось на время упрятать Владислава Путошинскаго въ тюрьму за нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на монастырь. Но эта мѣра не умирila буйнаго шляхтича: лишь только кончился срокъ ареста, Путошинскій возвратился домой, возобновилъ нападенія и заѣзды, отнялъ монастырскую землю и въ конецъ разорилъ монастырское хозяйство¹⁾. Продолжая тѣснить Бѣлостоцкую оби-

---

¹⁾ См. №№: LXIV, стр. 134; LXXIX, стр. 170; LXXX, стр. 172; LXXXI, стр. 176; LXXXII, стр. 180; LXXXV, стр. 189; LXXXVI, стр. 191 и LXXXIX, стр. 199.

тель, въ тоже время Владиславъ Путошинскій вель точно такую-же борьбу съ роднымъ братомъ своимъ Адамомъ за церковь, находившуюся въ принадлежавшемъ имъ обща селѣ Гати: Владиславъ обратилъ эту церковь въ уніятеную, Адамъ-же, оставшійся вѣрнымъ православію, хотя и не напелъ средствъ воспротивиться этому, но рѣшился не допускать уніатовъ спокойно торжествовать побѣду. Въ храмовой праздникъ онъ взялъ изъ церкви икону св. Дмитрія, и, созвавъ нѣсколько сосѣдей и русскихъ офицеровъ, случайно проходившихъ черезъ село, онъ пригласилъ игумена Бѣлостоцкаго монастыря, Иосифа Балабана, отслужить обѣдню въ своемъ домѣ, при чемъ онъ жаловался на отступничество брата и вызвалъ крупное по этому поводу объясненіе съ нимъ русскихъ офицеровъ ¹⁾).

Указанное положеніе религіознаго вопроса, вытекавшее изъ плана предложеннаго Шумлянскимъ, основаннаго на глубокомъ пониманіи имъ общества, среди котораго приходилось дѣйствовать, оказалось весьма выгоднымъ для уніи. Въ теченіе двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за неудавшимся Люблинскимъ съѣздомъ, унія распространилась болѣе, чѣмъ въ продолженіи почти цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Негласное принятіе уніи епископами, продолжавшими выдавать себя за православныхъ, разрывъ прямыхъ сношеній съ Кіевскою митрополіею, гоненіе, направленное шляхтичами на сельское духовенство, захватъ монастырей или отнятіе у нихъ средствъ къ существованію, раздоръ, поселенный въ дворянскихъ православныхъ семействахъ, отклоненіе отъ братствъ болѣе вліятельныхъ членовъ приманкою награды ихъ дворянскими правами и при всемъ этомъ отсутствіе ясно высказанной программы, неопредѣленность положенія, среди котораго невоз-

---

¹⁾ См. № СХХІ, стр. 267.

можно было точно указать лица, принадлежавшія къ униі или отвергавшія ее—все эти обстоятельства парализировали реакцію со стороны православныхъ, не дали ей возможности сосредоточиться и проявиться общими мѣрами и низвели ее до размѣровъ частной борьбы въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ. Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій самъ Шумлянский нашелъ предложенныя имъ мѣры до того успѣшными и плоды, принесенныя ими, до того полными въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ речи-посполитой, что рѣшился снять маску; оставляя на долю другихъ продолжать начатое имъ дѣло въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ православіе держалось болѣе стойко, онъ объявилъ о присоединеніи своемъ къ униі и перечислилъ въ нее епархіи, прямо ему подвѣдомственныя: Львовскую, Галицкую и Каменецъ-Подольскую. Въ полной увѣренности, что мѣры, принятыя имъ, окончательно разслабили въ нихъ православное общество и поселили въ немъ индифферентизмъ въ отношеніи къ спорному религіозному вопросу, онъ рѣшился изгнать сразу изъ этихъ епархій и послѣдніе остатки православія. Этотъ новый поворотъ въ дѣятельности Шумлянскаго начинается въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія. Въ 1697 году онъ первый разъ отважился заявить въ нѣкоторыхъ городскихъ книгахъ присягу на унию, принесенную имъ еще въ 1681 году, а въ 1700 онъ торжественно и публично возобновилъ ее въ Варшавѣ, произнеся на этотъ разъ клятву не только за себя, но и за подчиненныя ему епархіи ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Шумлянский приступилъ къ окончательному изгнанію православія изъ этихъ епархій, особенно изъ Каменецъ-Подольской, пользуясь не нормальнымъ положеніемъ этого края, переходившаго въ то время

---

¹⁾ Кояловичъ. Литовская церковная униа, т. II, стр. 440. Бантишъ-Каменскій. Историческое извѣстіе объ униі, стр. 136.

изъ-подъ власти турокъ къ речи-посполитой. Вотъ интересныя данныя о мѣрахъ, употребляемыхъ уніятскимъ духовенствомъ въ такихъ случаяхъ: къ намъ дошли два рапорта уніятскаго офиціала Корытынскаго о присоединеніи имъ къ уніи Збаражскаго православнаго монастыря и Збаражскихъ приходскихъ церквей; онъ такъ описываетъ свои дѣйствія: явившись въ Збаражъ въ сопровожденіи надворной хоругви владѣльца мѣстечка—Іосифа Потоцкаго, и пригласивъ для содѣйствія мѣстнаго губернатора (управляющаго) и монаховъ Бернардинскаго монастыря, онъ созвалъ изъ окрестностей и переписалъ всѣхъ приходскихъ священниковъ; заручившись ихъ согласіемъ на принятіе уніи, онъ утвердилъ ихъ на приходахъ; о неявившихся-же онъ говоритъ, что они не могли пріѣхать по причинѣ бѣдности, «другіе-же до сихъ поръ упорно пребываютъ въ схизмѣ и не хотятъ признать надъ собою власти нашего архинастыря, напротивъ того, они возмущаютъ крестьянъ, уговаривая ихъ не принимать уніи и выдавая оную за ересь. Я нашелъ нужнымъ отложить сборъ этой жатвы Господней до болѣе удобнаго времени». Не осмѣливаясь удалиться въ окрестности, Корытынскій принялся за дѣло тѣмъ ревностнѣе въ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя вполне безопаснымъ подъ прикрытіемъ губернатора и военного конвоя; онъ описалъ городскія церкви, ихъ имущество и документы и принялъ ихъ во владѣніе отъ имени уніятскаго епископа. Настоятеля одной церкви онъ нашелъ вполне преданнымъ уніи; у другаго священника, о. Игнатія, оказалась ставленная грамота отъ Луцкаго православнаго епископа, и притомъ у него былъ помощникъ, старый православный священникъ, открытый противникъ уніи, котораго о. Игнатій держалъ при себѣ въ угоду прихожанамъ и позволялъ ему въ своей церкви отправлять богослуженіе и совершать св. таинства. Корытын-

скій приказаль священнику перемѣнить ставленную грамосту, викарія-же потребоваль къ себѣ для объясненій, «но онъ не только не пожелаль стать передо мною на лице, но сѣлъ на коня и укрылся въ лѣсу, какъ измѣнникъ.» Оффиціаль запретиль священнику, подѣ опасеніемъ анаѣмы, принимать его впредѣ и допускать въ церковь ¹⁾. За тѣмъ Корытынскій приступилъ къ болѣе важному дѣлу—къ принятію въ свое вѣденіе православнаго Збаражскаго монастыря. Нѣсколько раньше его пріѣзда въ монастырь произошло смятеніе: игумень, Пареевій Янковскій, по причинѣ не упомянутой въ актѣ, подвергся взысканію со стороны православнаго Луцкаго епископа, Діонисія Жабокрицкаго, послѣдній поручилъ монахамъ Почаевскаго монастыря арестовать Янковскаго и содержать въ своемъ монастырѣ въ тюрьмѣ. Но когда Почаевскіе монахи пріѣхали въ Збаражъ и арестовали игумена, то за него заступился мѣстный губернаторъ и освободилъ его съ помощію жолнеровъ; игумень отправился искать покровительства къ владѣльцу мѣстечка, Іосифу Потоцкому, который обѣщаль защитить его подѣ условіемъ, что Янковскій приметъ унию и приведетъ къ ней какъ братью своего монастыря, такъ и его прихожанъ. Корытынскій между тѣмъ медлилъ и поджидаль исхода этой сдѣлки; наконецъ онъ получилъ извѣстіе, что она состоялась и приступилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ того, что опубликоваль универсалъ Потоцкаго къ жителямъ Збаража, въ которомъ онъ, въ качествѣ владѣльца имѣнія, предписываетъ имъ принять унию. Вотъ этотъ интересный документъ: «Я, Іосифъ Потоцкій, желая здравія и всякаго добра всѣмъ громадамъ волости моеѣ Збаражской: такъ мѣщанамъ, какъ равно жителямъ предмѣстій и селъ, вѣдомо имъ явию, что, благодаря Госнода, вся

---

¹⁾ См. № LXVII, стр. 140.

русская область приняла унию, т. е. единение съ святою католическою, римскою церковью, о чемъ отецъ игуменъ уже извѣщалъ васъ; но вы (хотя и не всѣ, какъ мнѣ доносить) повиноваться ему не хотите; потому отправляю къ вамъ сей универсалъ мой и предписываю, чтобы вы ни въ чемъ не перечили и повиновались-бы вполнѣ въ дѣлахъ церковныхъ игумену и монастыря вашего Збаражскаго; всякаго-же упорнаго и неповинующагося отцу игумену приговариваю симъ къ уплатѣ штрафа въ сто гривенъ и сверхъ того къ тяжелому наказанію (тѣлесному?); все это (несогласіе?) пустой - лишь вымыселъ; праздники, посты и обряды останутся у васъ по прежнему и никакой перемены ни въ чемъ не будетъ; потому и вторично предписываю вамъ не смущать сомнѣніемъ вашей совѣсти. Въ удостовѣреніе чего и выдаю сей универсалъ мой съ приложеніемъ моей печати и за собственноручною подписью. 1700 года, августа 25. Іосифъ Потоцкій, староста Галицкій.»

Вслѣдъ за универсаломъ явился въ Збаражъ игуменъ Янковскій; но, не смотря на обѣщаніе принять унию, данное имъ владѣльцу, возвратившись домой, онъ медлил и подъ разными предлогами старался затянуть дѣло; къ нему явились прихожане «твердые схизматики» съ горячими мольбами: «чтобы онъ не приставалъ къ уни и ихъ не увлекалъ за собою»; они брались выхлопотать ему прощеніе и отъ Ябонкрицкаго и отъ владѣльца имѣнія, лишь-бы онъ твердо устоялъ въ православіи. Съ другой стороны игумена окружали уніатскіе священники, шляхтичи и бернардины и требовали отреченія; сначала ихъ убѣжденія не имѣли успѣха; тогда официально перемѣнилъ тонъ и осипалъ его угрозами, мѣстный же губернаторъ, въ качествѣ представителя правъ владѣльца, заявилъ готовность употребить въ дѣло свою власть; игуменъ не устоялъ и согласился на требованія уніатовъ. Его

заставили торжественно въ церкви отрѣчься отъ православія и присягнуть на унію, и, вслѣдъ за тѣмъ, офиціалъ принялъ монастырь въ вѣденіе своего епископа, обложилъ членовъ церковнаго братства штрафами за сопротивленіе уніи, и уѣхалъ изъ Збаража, не оставивъ въ городѣ ни одной православной церкви, ни одного православнаго священника. Строго православные жители должны были или остаться безъ богослуженія и церковныхъ требъ, или отправляться въ уніятскія церкви. Официально Збаражская волость была причислена къ числу мѣстностей, добровольно и единогласно принявшихъ унію ¹⁾.

Въ то время, когда унія распространялась всѣми вышеуказанными мѣрами, противудѣйствіе со стороны православныхъ не могло проявиться въ видѣ систематической оппозиціи, какъ въ слѣдствіе того, что новый планъ дѣйствій уніатовъ и католиковъ скрывался подъ завѣсою тайны и умышленной неясности положенія, такъ и потому, что привилегированное сословіе перешло въ ряды противниковъ и обязанность защиты православія выпала на долю сословій, или вполне безправныхъ, или крайне стѣсненныхъ въ правахъ своихъ тѣмъ порядкомъ общественнаго строя, который водворился въ речипосполитой. Немедленно послѣ 1680 года церковныя братства пытаются стать опять во главѣ оппозиціи, но теперь онѣ не находятъ точки опоры ни въ дворянствѣ ни въ козачествѣ, какъ это случилось прежде, въ началѣ XVII столѣтія. На слѣздѣ представителей ставропигіальныхъ братствъ и православнаго духовенства, состоявшемся въ Августѣ 1680 года въ Новомъ Дворѣ, обсуждались средства для противудѣйствія уніи, но присутствовавшіе не могли остановить вниманія ни на одной мѣрѣ, сколько нибудь дѣйстви-

---

¹⁾ См. № LXIX, стр. 148.

тельной; они повторили обязательство стоять за православіе, но не находили средствъ для того, чтобы обобщить свою борьбу и указать успѣшныя для нея приемы. Постановлено было пользоваться соборами и сѣздами, предполагавшимися по плану Шумлянскаго, и предъявлять на нихъ свои права и обеспечивавшія свободу богослуженія привилегіи, а также стараться при выборѣ депутатовъ на сеймы, включать въ ихъ инструкціи статьи, направленные къ защитѣ православія; но объ эти эти мѣры оказались неисполнимыми: правительство удержалось отъ созванія сѣздовъ, количество-же православныхъ дворянъ было до того ничтожено, что голосъ ихъ на сеймикахъ не имѣлъ почти никакого значенія; послѣднее обстоятельство сознавали сами православные на сѣздѣ въ Новомъ Дворѣ; обсуждая возможность дѣйствовать посредствомъ вліянія на инструкціи депутатамъ, они рѣшили, что слѣдуетъ попытаться снискать вліяніе на сеймикахъ посредствомъ подкупа шляхтичей, «не жалѣя на этотъ предметъ издержекъ.»¹⁾ Но и этотъ исходъ оказался не возможнымъ, такъ какъ братства и ихъ члены не располагали достаточными средствами для того, чтобы соблазнить большинство шляхтичей, сѣзжавшихся на сеймики.

Такимъ образомъ сопротивленіе уніи должно было принять исключительно пассивный характеръ, раздробиться на безконечное число единичныхъ случаевъ и уповать исключительно на стойкость и непреклонность духовныхъ лицъ и отдѣльныхъ приходовъ, которые на свой страхъ должны были выдерживать въ каждой мѣстности натискъ ревнителей уніи, опиравшихся на административную поддержку и на буйный нравъ шляхты. Факты такіе мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ актахъ того времени, не смотря на то тяжелое положеніе,

---

¹⁾ См. № XXVIII, стр. 53.

въ которомъ находились православные духовные, мѣщане и крестьяне. Такъ мы видимъ, что прихожане продолжаютъ вездѣ, гдѣ представлялась возможность, пользоваться стариннымъ правомъ выбора приходского священника и стараются направлять выборъ такъ, чтобы избѣжать лицъ склонныхъ къ униі. Если крестьянамъ удавалось сникать по какому нибудь поводу согласіе помѣщика, то они немедленно низлагали священника унията «поганскую виру» отнимали у него церковные ключи, уничтожали униатскій антиминсъ и вручали приходъ своему избраннику ¹⁾. Иногда крестьянамъ удавалось умилостивить помѣщика подаркомъ, иногда запутать опасностью взрыва своего негодованья, въ другихъ случаяхъ они пользовались его ссорами съ сосѣдями и всегда не упускали малѣйшей возможности обеспечить свои церковные интересы, отстоять, хотя на время, свою церковь отъ вторженія униатовъ и католиковъ ²⁾. Такъ, напримѣръ, послѣ объявленія о присоединеніи Подолія къ униі—католическіе ксендзы стали разъѣзжать по селамъ и пытались служить католическую мессу въ сельскихъ церквяхъ; но они должны были отказаться отъ своей попытки: крестьяне отнимали и прятали ключи отъ церквей и, въ случаѣ насилія, угрожали убивать ксендзовъ ³⁾. Въ Овруцкомъ Полѣсѣи околичныя шляхтичи, ревностно стоявшіе за православіе, зорко слѣдили за поведеніемъ духовенства въ своей мѣстности и, при малѣйшей склонности къ униі, старались выжить сомнительное лице и замѣнить его болѣе благонадежнымъ ⁴⁾. Въ городахъ православные мѣщане

1) См. №№: СШ, стр. 224; СХХV, стр. 281; ХСV, стр. 209.

2) См. № СLXXX, стр. 339.

3) См. № ХС, стр. 201.

4) См. №№: ХLII, стр. 84; СХХХVІІІ, стр. 316; СLXXXIX, стр. 421; также Архивъ Югозападной Россіи часть IV, т. I, стр. 379—381.

старались поддерживать чистоту вѣры въ своихъ согражданахъ, переходившихъ въ унію, и нерѣдко ихъ увѣщанія кончались судебнымъ противъ нихъ искомъ и навлекали на нихъ отвѣтственность ¹⁾).

Но всѣ эти попытки, направленные къ противудѣйствию, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій; объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной гіерархіи, которая руководила-бы ими и сводила уединенныя усилія къ общей программѣ дѣйствій; между тѣмъ правительство, ограничившее только пятью число православныхъ епархій, успѣло передать эти епархіи тайнымъ или явнымъ уніятамъ. Православные сознали необходимость отстоять вакантныя или возвратить потерянные епископскія кathedры, и за обладаніе ими вступили еще разъ въ легальную борьбу съ правительствомъ. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка борьба эта происходила за двѣ послѣднія епархіи, которыя православные надѣялись сохранить—Луцкую и Бѣлорусскую. Послѣ смерти Афанасія Шумлянскаго, выдававшего себя за православнаго, но въ дѣйствительности принявшаго унію, православное духовенство и дворяне Луцкой епархіи рѣшились избрать на его мѣсто новаго епископа. Въ 1695 году, съѣхавшись по старинному обычаю, они приступили къ выборамъ; избранъ былъ единогласно Луцкимъ православнымъ епископомъ писарь гродскій Луцкій, Дмитрій Жабокрицкій (принявшій при рукоположеніи имя Діонисія), извѣстный еще прежде своею ревностью къ православію, начитанностью и ученостью. Тяжело было положеніе этого новаго епископа: выдерживая упорную борьбу съ уніятами, испытывая безпрестанныя притѣсненія отъ дворянъ, Жабокрицкій не находилъ поддержки въ православной Кіевской гіерар-

---

¹⁾ См. № CLXXI, стр. 180.

хія, усмотрѣвшей несоблюденіе при его выборѣ канонически установленныхъ правилъ и отказавшейся рукополагать его въ епископы на томъ основаніи, что онъ былъ женатъ на вдовѣ. Семь лѣтъ Жабокрицкій пытался устоять на своемъ посту, не смотря на непреодолимые препятствія, пока наконецъ энергія его не истощилась и онъ, уступая внушеніямъ короля, принялъ унію. Немедленно еще послѣ избранія Жабокрицкаго король Іоаннъ III вошелъ съ нимъ въ сношенія, надеясь склонить его милостью къ содѣйствію видамъ правительства; онъ утвердилъ Діонисія грамотою въ должности Луцкаго епископа и въ частномъ письмѣ поздравилъ его съ принятіемъ новой должности; король выражалъ свою радость по этому поводу и намекалъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что съ переменною званія Жабокрицкій будетъ, какъ прежде, ревностно поддерживать виды правительства ¹⁾. Милостивымъ-же расположеніемъ короля Жабокрицкій рѣшился воспользо-ваться для того, чтобы возвратитъ православныя церкви и монастыри, отданные уніятамъ. Онъ просилъ у короля диплома на должность Овруцкаго архимандрита, поставляя на видъ, что, занимавшій ее, уніять Домарадзкій не дворянинъ по происхожденію и потому, согласно законамъ речипоспелитой, онъ не имѣетъ права занимать высшія церковныя должности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ возврата Госскаго монастыря и принадлежавшихъ ему имѣній, захваченныхъ Іосифомъ Шумлянскимъ въ силу выпрошенной имъ королевской грамоты. Дѣла эти были рѣшены вступившимъ на польскій престолъ новымъ королемъ. Августъ II, продолжая въ дѣлѣ уніи политику своего предшественника и рассчитывая задобрить Жабокрицкаго и склонить его милостью къ уніи,

¹⁾ См. № LII, стр. 110. Лѣтопись Велячка томъ III, стр. 297
—306.

удовлетворилъ обѣ его прозбы; но, впоследствии, когда Жабокрицкій, рѣшительно отклонивъ предложенія на счетъ уніи, не только не присоединился къ торжественному ея принятію въ 1701 г. Іосифомъ Шумлянскимъ и его сообщниками, но вошелъ въ сношенія съ русскимъ резидентомъ Судейкинымъ и искалъ черезъ него покровительства Россіи для православной церкви, тогда король, уступая давленію общественнаго мнѣнія, и понуждаемый совѣтами сенаторовъ, принялъ жалобы отъ Домарадзкаго и Шумлянского и потребовалъ въ задворный судъ Жабокрицкаго къ отвѣту за то, что онъ обманулъ короля и, будто злоупотребивъ его довѣріемъ, выпросилъ грамоты на такіе монастыри, которые раньше уже были пожалованы покойнымъ королемъ другимъ лицамъ. ²⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ король, понимая шаткое положеніе Жабокрицкаго въ отношеніи къ православной іерархіи, рѣшился убѣдить его въ невозможности оставаться православнымъ епископомъ помимо желанія Кіевского духовенства. Побуждаемый этимъ расчетомъ или, можетъ быть, относясь дѣйствительно равнодушно къ интересамъ католицизма, принятаго только формально имъ самимъ, Августъ II употребилъ все зависѣвшія отъ него средства, чтобы доказать, что препятствія, встрѣченныя Жабокрицкимъ, нисколько отъ него не зависятъ. Такъ онъ выдалъ грамоту Жабокрицкому, которою предоставлялъ ему верховное управленіе православными церквями и монастырями, находившимися въ королевскихъ имѣніяхъ, въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Волынскомъ и Брацлавскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Августъ II дважды сносился съ Петромъ I, (1698 и 1701) прося его исходатайствовать дозволеніе патріарха на посвященіе Жабокрицкаго въ Кіевъ епископомъ въ Лупскую

---

²⁾ См. №№: LVII, стр. 118; LXXI, стр. 154; LXXII, стр. 156; LXXVI, стр. 163 и LXXVII, стр. 165.

эпархію.³⁾ Но представленія короля не имѣли успѣха и остались безъ послѣдствій; раньше еще самъ Жабокрицкій испробовалъ всѣ средства для того, чтобы добиться посвященія. Онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ испрашивалъ его у Кіевского митрополита, вслѣдствіе чего по его дѣлу велась оживленная переписка: Кіевское духовенство сознавало всѣ достоинства Жабокрицкаго и сочувствовало его назначенію, но не осмѣливалось утвердить его безъ разрѣшенія Московскаго патріарха—тотъ въ свою очередь, не смотря на грамоту, полученную отъ имени царей (Іоанна и Петра) и на прозбы Кіевского митрополита, гетмана Мазепы и самаго Жабокрицкаго, не рѣшался нарушить каноническаго постановленія и предоставилъ дѣло на рѣшеніе Константинопольскаго патріарха; сношенія съ послѣднимъ затянулись и не привели ни къ какому результату, а между тѣмъ Шумлянскій торжествовалъ побѣду, упрекалъ Жабокрицкаго въ самозванствѣ, въ нарушеніи каноническихъ правилъ, подрывалъ его авторитетъ, грозилъ ему анафемою и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разрушить православную Луцкую эпархію. Согласно съ его внушеніями дворяне, владѣвшіе имѣніями въ Луцкой эпархіи, запретили приходскимъ священникамъ, жившимъ въ ихъ селахъ, повиноваться нареченному епископу. Жабокрицкій, въ крайности, обратился за посвященіемъ къ Сочавскому епископу въ Молдавію, но оказалось, что послѣдній призналъ надъ собою еще раньше власть Шумлянскаго и потому уклонился отъ предложенія Жабокрицкаго; наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, нарѣченный Луцкій владыка отыскалъ православнаго пастыря, который согласился рукоположить его въ епископы—это былъ Іосифъ Стойка, епископъ Мармарошскій, блю-

---

³⁾ См. № LXXV, стр. 161; также Историческое извѣстіе о возвышей въ Польшѣ уніи Бантышъ-Баменскаго, стр. 136.

стителѣ митрополіи Бѣлградской, Семиградской и Угорской, но посвященія этого не признали дѣйствительнымъ ни уніаты, ни православные ¹⁾).

Такимъ образомъ Жабокрицкій, не находя поддержки тамъ, гдѣ онъ могъ на нее болѣе всего рассчитывать, потерялъ надежду устоять противъ воздвигнутыхъ отовсюду препятствій и принялъ унію въ 1702 году. Торжество поборониковъ уніи было полное; сломивъ стойкость того лица, на которое возложены были послѣднія надежды православныхъ, они спѣшили воспользоваться побѣдою; паны издали цѣлый рядъ универсаловъ къ священникамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, жившимъ въ ихъ имѣніяхъ, предписывая имъ повиноваться тому епископу, котораго власть они считали за нѣсколько лѣтъ раньше незаконною и противною канонамъ церкви. Вопросъ о женидбѣ Жабокрицкаго, столь громко выдвинутый Шумлянскимъ и его соучастниками, теперь ступавался и будто никогда не существовалъ. Наконецъ, король вознаградилъ Жабокрицкаго значительнымъ расширеніемъ его власти: онъ издалъ универсалъ, по которому предоставлялъ въ его вѣденіе всѣ церкви и монастыри, находившіеся въ королевскихъ имѣніяхъ на пространствѣ цѣлой речипосполитой ²⁾. Въ послѣдствіи, послѣ смерти Шумлянского, уніятская гіерархія передала въ управленіе Жабокрицкому уніятскія церкви и имѣнія уніятскихъ митрополитовъ, находившіеся въ Кіевскомъ воеводствѣ, гдѣ уніаты не успѣли пока основать отдѣльной епархіи; власть Жабокрицкаго въ этой области была водворена приказомъ военной власти — универсаломъ гетмана Сѣнявскаго ³⁾.

¹⁾ Лѣтопись Величка т. III, глава XXXVII.

²⁾ См. №№: XCI, стр. 201; XCII, стр. 205; XCIII, стр. 207; XCVIII, стр. 214; CV, стр. 229 и CVI, стр. 230.

³⁾ См. №№: CXXXIX, стр. 295 и CXXX, стр. 297.

Между тѣмъ какъ значеніе Жабокрицкаго возрастало такимъ образомъ въ уніятской церкви, православные, возлагавшіе при выборѣ его въ епископы столько надеждъ на его стойкость и преданность восточной церкви, сильно были поражены его переходомъ въ унію; недовольство ихъ готово было проявиться при первой возможности, возможность же вскорѣ представилась: вѣдствіе союза Россіи со Польшею, заключеннаго противъ Карла XII, русскія войска заняли въ 1704 году многія области речипосполитой, въ томъ числѣ Волинь и Кіевское воеводство; съ появленіемъ ихъ православные жители этихъ провинцій почувствовали временное облегченіе отъ гоненій со стороны уніатовъ и дворянъ католиковъ, тѣмъ болѣе, что Петръ Великій не скрывалъ негодованія, возбужденнаго въ немъ религіознымъ прозелитизмомъ уніатовъ. Дворяне православные, опираясь на присутствіе союзныхъ войскъ, стали смѣлѣе противудѣйствовать уніатамъ; при этомъ, конечно, явилось желаніе наказать отступниковъ отъ православія и первые удары посыпались на Жабокрицкаго, который былъ вдвойнѣ ненавистенъ православнымъ: какъ представитель уніятской гіерархіи въ южной Руси и какъ человѣкъ, злоупотребившій довѣріемъ дворянъ, вручившихъ ему по выбору самый важный постъ для защиты преслѣдуемой церкви. Чувствуя неловкость своего положенія, Жабокрицкій принялъ мѣры для личной безопасности: онъ увезъ церковныя вещи, принадлежавшія Луцкому собору и болѣе цѣнныя вещи изъ собственнаго имущества въ отдаленное село Жеревцы, находившееся въ глуши, въ Овруцкомъ повѣтѣ, самъ же уѣхалъ за границу, въ Венгрію, намѣреваясь тамъ переждать неблагоприятныя для него обстоятельства. Предосторожности эти однако оказались недѣйствительными; въ 1706 году отрядъ своевольныхъ жолнеровъ, по наущенію и съ помощью православныхъ дворянъ Немиричей, ворвался

въ Жеревцы и ограбилъ имущество, оставленное Жабокрицкимъ, затѣмъ православные дворяне запретили приходскимъ священникамъ своихъ селъ повиноваться его власти¹⁾ и обратились прямо къ русскимъ властямъ съ жалобою на отпавшаго отъ церкви епископа и съ просьбою избавить отъ него епархію. Во главѣ предъявившихъ эту просьбу находились ближайшіе родственники Жабокрицкаго: его пасынокъ—Николай Гулевичъ и племянникъ—Юрій Жабокрицкій; русскія власти, не желая отъ своего имени распорядиться въ союзномъ государствѣ, отказались отъ прямого участія въ дѣлѣ, и предложили жалобщикамъ самимъ арестовать епископа. Случай къ этому вскорѣ представился. Діонисій Жабокрицкій не могъ дожидаться выхода русскихъ войскъ и въ 1708 году возвратился изъ Венгріи въ свою епархію; «для приведенія въ порядокъ управленія епископскими имѣніями, а также для рукоположенія новыхъ священниковъ.» Немедленно послѣ его пріѣзда въ Луцкъ туда-же явились Гулевичъ и Юрій Жабокрицкій съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ; они заняли Луцкій замокъ, не имѣвшій въ то время гарнизона, и окружили, находившійся въ немъ епископскій домъ. Они разогнали прислугу и уніятскихъ священниковъ окружавшихъ епископа, арестовали его самого, захватили его переписку и приказали укладывать вещи въ экипажи, объявляя, что они имѣютъ приказъ увезти его изъ Луцка. Обнаживъ сабли, Гулевичъ и Юрій Жабокрицкій приказали Діонисию собираться въ путь. «Одѣвайся предатель, говорили они, не будь тебѣ болѣе владыкою въ Луцкѣ, мы тебя свеземъ туда, куда намъ приказано; тамъ тебя возведутъ въ санъ архіепископа Сибири; мы перевяжемъ твоихъ друзей и сподручниковъ и доставимъ вмѣстѣ съ тобою! «Потомъ, обратившись къ слугамъ, они при-

---

¹⁾ См. №№: CXVI, стр. 255 и CXXXVIII, стр. 316.

бавили: «обращайте особенное вниманіе на его предательскую переписку; она обнаружитъ его козни противъ нашего монарха — пусть палачъ ее сожжетъ публично.» Между тѣмъ, пока въ замкѣ распоряжались укладкою въ экипажи вещей епископа, время уходило; прислуга и священники уніятскіе разбѣжались по городу съ крикомъ и воззваніями о помощи; ударили въ набатъ въ колокола; проживавшіе въ Луцкѣ шляхтичи католики, причты уніятскихъ церквей, жолнеры побѣжали къ замку. Немногочисленная свита Гулевича и Юрія Жабокрицкаго оказалась въ свою очередь заключенною въ осадѣ, и предводители должны были вступить въ переговоры съ осаждавшими. Дѣло порѣшили тѣмъ, что первые выѣхали изъ Луцкаго замка, отказавшись арестовать епископа; впрочемъ, удаляясь, они заявили угрозу: «теперь вы намъ помѣшали арестовать владыку, но помните, что вы за это отвѣтите—ваши монастыри, ваши церкви уніятскія—и всѣ вы шляхтичи лично подвергнетесь наказанію за оказанное намъ сопротивленіе.» Освободившись такимъ образомъ отъ опасности, Жабокрицкій немедленно укрылся въ лагерь гетмана Сѣнявскаго; между тѣмъ его противники заняли епископскія имѣнія, захватили его документы и секвестровали имущество. Напрасно Жабокрицкій искалъ защиты у польскихъ властей и выхлопоталъ себѣ охранные листы отъ короля и отъ Волынскихъ дворянъ, съѣхавшихся на сеймикъ; исполнительная власть была всегда ничтожна въ речипосполитой, а въ то смутное военное время совершенно не существовала; потому противники епископа не только не успокоились вслѣдствіе предъявленія имъ охранныхъ листовъ, но въ началѣ слѣдующаго года они успѣли захватить епископа и передать его въ распоряженіе русскимъ властямъ; онъ былъ немедленно отправленъ въ ссылку, гдѣ вскорѣ и скончался¹⁾.

¹⁾ См. ММ: СХХVII, стр. 285; СХХVIII, стр. 291; СХХХVII, стр. 314 и СХХХIX, стр. 317.

Послѣ удаленія Жабокрицкаго, православные дворяне Во-
лынского и Кіевскаго воеводствъ рѣшились еще разъ возоб-
новить избраніе епископа и хотя на этотъ разъ выборъ ихъ
былъ удачнѣе, тѣмъ не менѣе онъ не достигъ главной цѣли—
удержать за православными Луцкую епископскую кафедру.
Новоизбранный епископъ былъ Кириллъ Шумлянскій, сынъ
бывшаго Луцкаго епископа, тайнаго уніята—Аѳанасія Шум-
лянскаго и племянникъ Львовскаго уніятскаго епископа Іо-
сифа ¹⁾). Увлеченный семейными преданіями и примѣромъ отца
и дяди, Кириллъ Шумлянскій самъ, какъ кажется, принялъ
было унію, по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ въ актахъ сви-
дѣтельство о томъ, что въ 1703 году онъ занималъ долж-
ность генеральнаго офиціала при уніятскомъ Каменецъ-По-
дольскомъ епископѣ, которымъ былъ въ то время его дядя
Іосифъ Шумлянскій ²⁾). Положеніе, занимаемое какъ имъ лично,
такъ и его семействомъ въ гіерархіи уніятской церкви, об-
ратило на него вниманіе правительства; получивъ ложное из-
вѣстіе о смерти Жабокрицкаго, король немедленно выдалъ
грамоту, предоставлявшую Кириллу Шумлянскому должность
нареченнаго Луцкаго епископа и горячо рекомендовавшую
его какъ уніятскому митрополиту—Винницкому, такъ и дво-
рянамъ Волинскимъ ³⁾). Казалось, что правительство не могло
найти лица болѣе склоннаго поддерживать его виды относи-
тельно уній, и что съ принятіемъ имъ должности, Луцкая
епархія окончательно утвердится за уніятами. Православные
Волинскіе и Кіевскіе дворяне на съѣздѣ въ Луцкѣ 16 іюня
1710 года торжественно выбрали кандидата, предложеннаго
королемъ и рекомендованнаго уніятскимъ митрополитомъ, по

¹⁾ Niesiecki. Korona Polska, т. IV, стр. 287.

²⁾ См. № XCIX, стр. 217.

³⁾ См. № CXLI, стр. 325.

видимому они отказывались такимъ образомъ отъ дальнѣйшей борьбы и давали косвеннымъ образомъ согласіе на унію ¹⁾. Недоразумѣніе это скоро впрочемъ разъяснилось: немедленно послѣ выборовъ Кирилль Шумлянскій отправился для рукоположенія не во Львовъ къ Винницкому, а въ Кіевъ—къ православному митрополиту. Мы не имѣемъ свидѣтельствъ, по которымъ можно-бы объяснить эту неожиданную перемену въ поведеніи Шумлянского; не знаемъ, была ли она слѣдствіемъ раскаянія, возбужденнаго переговорами съ православными дворянами, съѣхавшимися на выборы въ Луцкъ, или Шумлянского устрасили примѣры участи, постигшей Жабокрицкаго, или, можетъ быть, прежде онъ присоединился къ уніи только наружно, пользуясь неясностію отношеній, созданною умысленно его дядею; во всякомъ случаѣ шагъ этотъ былъ съ его стороны рѣшительнымъ объявленіемъ войны уніятѣмъ. Возвратившись изъ Кіева въ свою епархію, Шумлянскій принялся за устройство имуществъ, принадлежавшаго его кафедрѣ и сталъ отнимать села, принадлежавшія прежде православному духовенству и захваченныя шляхтичами ²⁾,—но дѣятельность его была скоро остановлена. Ни правительство, ни дворяне католики не были намѣрены оставить въ покоѣ новаго епископа; раздраженные неудачею своего расчета, они рѣшились употребить въ дѣло насиліе. Въ октябрѣ 1711 года король издалъ грозный универсалъ къ дворянамъ и духовенству Волынскаго воеводства, въ которомъ онъ, упрекая Шумлянскаго въ государственной измѣнѣ, запрещалъ, подъ опасеніемъ уголовныхъ наказаній, признавать его Луцкимъ епископомъ или повиноваться ему въ дѣлахъ духовныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ сеймикъ Волынскаго воеводства, соглашаясь

¹⁾ Архивъ Юго-западной Россіи, часть IV, т. I, стр. 358.

²⁾ См. ММ: CXLVI, стр. 332; CXLVIII, стр. 335 и CL, стр. 337.

выполнѣ съ предложеніемъ короля, опредѣлили: считать выборъ Кирилла Шумлянскаго не дѣйствительнымъ, отобрать у него актъ его избранія и передать Луцкую епархію въ управленіе Холмскому уніятскому епископу ¹⁾. За этимъ постановленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ, пущенныхъ въ ходъ озлобленными дворянами; имущество епископа было секвестровано или разграблено, ему самому угрожали арестомъ и ссылкой; не ожидая такого исхода дѣла, Шумлянский бѣжалъ поспѣшно въ Кіевъ и обратился съ жалобою къ Петру I, черезъ посредничество канцлера Головкина. Императоръ протестовалъ противъ его изгнанія въ энергической нотѣ на имя короля, но послѣдній отмолчался и Кириллъ Шумлянский не появлялся болѣе въ предѣлахъ своей епархіи; въ замѣнь за нее онъ получилъ по назначенію Русскаго правительства епархію Переяславскую, управляя которою, онъ скончался въ 1726 году, удержавъ впрочемъ до смерти титулъ епископа Луцкаго и Острожскаго, и стараясь, по мѣрѣ возможности, хотя издали, поддерживать и укрѣплять православіе, гонимое въ предѣлахъ речипосполитой ²⁾. Луцкая епархія перешла такимъ образомъ во власть уніатовъ, въ которой и оставалась до самаго паденія Польши.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ речипосполитой оставалась одна только православная епархія—Бѣлорусская. Въ то время когда за Луцкую епархію происходила вышеуказанная борьба, въ Бѣлорусскіе епископы выбранъ былъ чело-
 вѣкъ предприимчивый и стойкій—притомъ по происхожденію и общественному своему положенію болѣе другихъ гарантированный отъ невзгодъ, тяготѣвшихъ надъ православнымъ духовенствомъ въ речипосполитой—это былъ князь Силь-

¹⁾ См. №№: CLI, стр. 340 и CLIII, стр. 344.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, стр. 139; также № CLXXXIII, стр. 405.

вестрь Святополкъ - Четвертинскій. Родъ князей Четвертинскихъ былъ древнѣйшій изъ княжескихъ родовъ великаго княжества Литовскаго; онъ, по фамилнымъ преданіямъ, вель начало своего происхожденія отъ Владиміра Святого. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка это былъ единственный княжескій родъ въ Южной Руси, котораго хотя одна вѣтвь пребывала вѣрною православію. За все время борьбы съ униєю князья Четвертинскіе принимали въ ней дѣятельное участіе: они основывали православные монастыри, поступали членами въ церковныя братства, подписывали протесты противъ насильнаго введенія униі, ѣздили по этому поводу, въ качествѣ депутатовъ отъ православнаго дворянства, предъавлять протесты королю и т. п. Въ концѣ XVII столѣтія одинъ представитель рода—князь Гедeonъ, выбранъ былъ Луцкимъ епископомъ и впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ. Въ началѣ XVIII столѣтія представителями православной отрасли рода Четвертинскихъ были князья: Гавріиль и Сильвестръ, послѣдній принялъ монашескій санъ и занималъ должность игумена въ монастырѣ, основанномъ его предками въ мѣстечкѣ Старой Четверти; еще до своего избранія въ епископы Сильвестръ Четвертинскій долженъ былъ выдержать не одну борьбу съ ревнителями униі; до насъ дошли актовыя свидѣтельства о тѣхъ усиліяхъ, какія предпринимали оба брата для того, чтобы отстоять православные монастыри—мужескій и женскій, находившіеся въ Старой Четверти; мѣстечко это съ теченіемъ времени вышло изъ владѣнія князей Четвертинскихъ, оставившихъ за собою только право патроната надъ монастырями (*jus collationis*). Не смотря на это право, владѣлецъ Четверти, шляхтичъ Гораинъ, рѣшилъ перевести оба монастыря въ унию; началъ съ женскаго и успѣлъ въ своемъ предпріятіи; тогда князь Сильвестръ Четвертинскій, основываясь на своемъ правѣ, удалилъ изъ монастыря униятскія

монахини и поселилъ въ немъ православную инокиню—Агаею Масальскую, поручивъ ей составить новую общину; узнавъ объ этомъ распоряженіи, Гораинъ ворвался въ монастырь съ толпою слугъ и крестьянъ, и, когда Масальская убѣжала въ мужескій монастырь, онъ послѣдовалъ туда за нею; окруживъ монастырь, онъ приказалъ выломать двери, затѣмъ, избивъ до полусмерти намістника, Теодосія Стояновскаго, онъ приказалъ схватить Масальскую и увелъ ее въ свой дворъ; здѣсь жена Гораина приказала ее жестоко высѣчь, и, раздѣвъ до нага, выгнать на дорогу въ поле; князь Сильвестръ Четвертинскій долженъ былъ перевести ее въ другой монастырь, Гораинъ-же, оправдывая свой поступокъ, оклеветалъ его въ преступной связи съ несчастною монахиней. Затѣмъ, пользуясь удаленіемъ Сильвестра Четвертинскаго въ Бѣлоруссію, Гораинъ разогналъ братью изъ мужескаго Четвертинскаго монастыря и поселилъ въ немъ приходскаго уніятскаго священника; напрасно два раза оба князья Четвертинскіе отнимали монастырь и старались возстановить въ немъ общежитіе; пользуясь окончательнымъ отъѣздомъ Сильвестра въ его епархію, Гораинъ добился осуществленія своего намѣренія ¹⁾).

Такимъ образомъ принявши должность епископа единственной, остававшейся еще православнымъ, епархіи, князь Сильвестръ-Четвертинскій зналъ по опыту съ какими трудностями предстояло ему бороться, тѣмъ болѣе дорожилъ онъ своимъ постомъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость сосредоточить для борьбы всѣ силы православныхъ и организовать защиту. Очевидно при этомъ роль организатора должна была принадлежать ему, какъ единственному іерарху

---

¹⁾ См. №№: LXXXVIII, стр. 196; CI, стр. 221; CXIX, стр. 262; CXXXI, стр. 299.

православной церкви, оставшемуся въ предѣлахъ речипосполитой. Конечно для этого необходимо было, чтобы духовенство и міряне другихъ православныхъ епархій, остававшихся теперь безъ пастырей, признали надъ собою власть Бѣлорусскаго епископа или, по крайней мѣрѣ, подчинились его руководству. Но послѣднее условіе не было исполнено и препятствія возникли съ той именно стороны, откуда менѣе всего слѣдовало ожидать ихъ. Бѣлорусскій епископъ, желая расширить по мѣрѣ возможности границы своей епархіи, заявилъ желаніе присоединить къ ней православныя церкви и монастыри бывшей Туровской епархіи, находившіеся въ обширной территоріи долины Припяти, въ нынѣшней Минской губерніи, но духовенство этой области, отдѣлявшей Бѣлорусскую епархію отъ упраздненныхъ епархій южной Руси, не пожелало признать надъ собою его власти; еще въ началѣ XVII столѣтія, послѣ того какъ православное Туровское епископство захвачено было уніятами, православные жители епархіи управлялись безъ епископа, они признавали надъ собою въ церковныхъ дѣлахъ авторитетъ Слуцкаго ахимандрита, который, въ случаѣ нужды, сносился прямо съ Кіевскимъ митрополитомъ; отношенія эти установились мало по малу въ силу обычая и, наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія, митрополитъ Гедeonъ Четвертинскій присоединилъ Туровскую епархію окончательно къ составленной имъ особой митрополичьей епархіи; но такъ какъ сношенія Кіевскихъ митрополитовъ съ этою частью подвѣдомственной имъ территоріи были сильно затруднены польскими законами, запрещавшими православнымъ переѣзжать границу речипосполитой, то митрополиты обыкновенно выдавали Слуцкимъ архимандритамъ грамоты, которыми поручали имъ, въ качествѣ намѣстниковъ, церковное управленіе въ бывшей Туровской епархіи¹⁾. Когда, по-

¹⁾ Описаніе Кіево-Софійскаго собора, стр. 247; также см. М.М.: I, стр. 1; II, стр. 2; XIII, стр. 25; XVI, стр. 30.

слѣ избранія въ Бѣлорусскіе епископы, князь Сильвестръ Четвертинскій явился въ 1707 году для посвященія въ Кіевъ, то митрополитъ включилъ въ обѣтъ, подписанный имъ при совершеніи обряда, обязательство не распространять своей власти за предѣлы Бѣлорусской епархіи ¹⁾. Но исполненіе этой части обѣта оказалось на дѣлѣ невозможнымъ; отправляясь изъ Кіева въ Могилевъ, Сильвестръ Четвертинскій остановился по дорогѣ въ Слуцкѣ; здѣсь онъ засталъ разногласіе въ средѣ православнаго духовенства; часть духовныхъ лицъ, опасаясь грозы отъ уніатовъ и католиковъ, и не находя возможности опираться на власть Кіевского митрополита, сношенія съ которымъ были неудобны и не безопасны, изъявила желаніе признать надъ собою власть Бѣлорусскаго епископа; другіе члены духовенства, и во главѣ ихъ архимандритъ Іоасафъ Лапицкій, сопротивляясь этому желанію, стояли за подчиненіе митрополиту; споръ оживлялся все болѣе и болѣе и увлекъ раздражительнаго по натурѣ епископа, сознававшего притомъ всю необходимость и пользу для православія, вытекавшую изъ расширенія предѣловъ его епархіи. Вскорѣ препирательство вызвало фактическую борьбу: Бѣлорусскій епископъ сталъ рукополагать священниковъ и раздавать духовныя должности въ Слуцкѣ; архимандритъ, а, вслѣдъ за нимъ, и митрополитъ протестовали въ окружныхъ грамотахъ, объявляли распоряженія Сильвестра не дѣйствительными и предали анаемѣ духовныхъ, признавшихъ надъ собою его власть. Четвертинскій отвѣтилъ тѣмъ-же и низложилъ Іоасафа Лапицкаго, назначивъ другое лице на его мѣсто Слуцкимъ архимандритомъ; ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; взаимныя жалобы, протесты, пререканія, отлученіе подчиненныхъ духовныхъ лицъ отъ церкви и лишеніе ихъ свя-

---

¹⁾ См. № СХХІV, стр. 279.

щенническаго сана и духовныхъ должностей, посыпались съ обѣихъ сторонѣ. Вѣлорусскій епископъ принялся исполнять свои рѣшенія силою, митрополитъ принесъ жалобу русскому посланнику въ Варшавѣ, архимандритъ-же Лапицкій искалъ защиты у владѣльца Слудка — князя Нейбурскаго и у его управляющихъ-шляхтичей; послѣдніе приняли горячо сторону митрополита съ цѣлю поддержать анархію въ православной гіерархіи и ослабить власть единственнаго православнаго епископа въ речипосполитой; они стали также силою изгонять ставленниковъ Сильвестра и поддерживать архимандрита¹⁾. Споръ затянулся на цѣлыя 20 лѣтъ и повергъ въ смятеніе и безначаліе ту часть Руси, гдѣ православіе было относительно менѣе подавлено; онъ прекратился только тогда, когда обѣ спорившія стороны увидѣли, что препирательство ихъ обратилось въ пользу общихъ враговъ и когда уніаты и католики насильно завладѣли почти всѣми монастырями и церквями въ спорной области.

Между тѣмъ дѣйствительно враги православія настойчиво проводили свое дѣло насильнаго обращенія въ унію; разрушивъ православную гіерархію, они отложили въ сторону осторожность, рекомендованную имъ вначалѣ Іосифомъ Шумлянскимъ, и рѣшились употребить въ дѣло силу для того, чтобы рѣшительно покончить спорный религіозный вопросъ. Въ 1720 году уніатскій митрополитъ Левъ Кишка созвалъ соборъ въ Замостьѣ, на которомъ унія провозглашена была торжественно единственною законною церковью греческаго обряда въ речипосполитой; всѣ захваченныя уніатами епископства, объявлены были добровольно принявшими унію и на-

---

¹⁾ См. №№: CXXXVI, стр. 310; CLXIX, стр. 376; CLXXIII, стр. 384; CLXXIV, стр. 386; CLXXV, стр. 388; CLXXXVI, стр. 412 и CLXXXVII, стр. 416.

всегда къ ней присоединенными; далѣе рѣшено было приступить законнымъ порядкомъ къ обращенію въ унію всѣхъ оставшихся еще незанятыми православныхъ церквей и монастырей; постановленія этого собора, утвержденныя папою Бенедиктомъ XIII, и опубликованныя конгрегаціею *de propaganda fide*, усилили рвеніе шляхетскаго общества въ пользу уніи ¹⁾; то преслѣдованіе уніи, которое, не смотря на жестокіе приемы, носило до того времени характеръ личнаго произвола и проявлялось спорадически, съ большею или меньшею энергіею, смотря по личному характеру того или другого пана, теперь представляетъ общее повсемѣстное явленіе; шляхтичи, католическое духовенство, уніятскіе священники, власти и частные люди спѣшатъ отличиться наперерывъ другъ передъ другомъ; этотъ своеобразный крестовый походъ, совершаемый подъ благословеніемъ паны и подъ знаменемъ уніи былъ весьма удобенъ для шляхтичей, стяжавшихъ себѣ душевное спасеніе путемъ насилія надъ совершенно безоружными, представлявшими одно лишь пассивное сопротивленіе, духовными и крестьянами; до какой степени фанатизмъ разжигалъ страсти, насколько дѣйствовавшие во имя его люди способны были забыть всякія правила религіозной и чело-вѣческой нравственности, о томъ свидѣлствуютъ цѣлыя сотни и тысячи документовъ того времени ²⁾; укажемъ только, во избѣжаніе повтореній, нѣсколько фактовъ болѣе рельефныхъ: въ теченіе одиннадцати лѣтъ, съ 1732 по 1743 годъ, по извѣстіямъ, собраннымъ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Голембевскимъ, паны и уніаты «заѣхали» на унію 128 монастырей и церквей православныхъ въ одной только эпар-

---

¹⁾ Описаніе Кіевософійскаго Собора, стр. 215. Кульчинскій—*Specimen ecclesiae Ruthenicae*, стр. 137—138.

²⁾ См. Архивъ Югозападной Россіи часть I, томы 2 и 3.

хи Бѣлорусской и смежной съ нею Туровской; «заѣздъ» этотъ состоялъ въ томъ, что внезапно появлялся въ монастырь помѣщикъ или духовный католическій или уніатскій, въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ слугъ; безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ онъ побоями разгонялъ иноковъ и, «очистивъ» такимъ образомъ монастырь, передавалъ его во владѣніе уніатскаго епископа; тоже происходило и съ сельскими приходскими церквями, только здѣсь помѣщики менѣе стѣснялись, чувствуя себя въ правѣ распоряжаться церковью и приходомъ какъ своею собственностью ¹⁾; тамъ-же, гдѣ встрѣчалось хотя-бы малѣйшее сопротивление, ярость шляхтичей не знала предѣловъ; вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ современникъ ихъ образъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ: «забывши страхъ Божій, они врываются верхомъ въ церкви, стрѣляютъ въ алтари и въ иконы, рвутъ ихъ, ломаютъ кресты; на духовныхъ и мірянъ они нападаютъ въ церквахъ и до смерти убиваютъ ихъ; они выбрасываютъ монаховъ изъ монастырей, а въ дѣвичьихъ монастыряхъ, для посмѣшища, раздѣваютъ монахинь до-нага и въ такомъ видѣ изгоняютъ ихъ; имущество и доходы монастырскіе отымаютъ; церкви разрушаютъ: бьютъ въ нихъ окна и ломаютъ крыши, остальное-же грозятъ предать пламени; изображенія Спасителя они попираютъ ногами, рѣжутъ и прокалываютъ ножами, бросаютъ и таскаютъ по улицамъ, приговаривая богохульные рѣчи: «Схизматическій Боже! Неужели ты не постоишь за свою обиду!» ²⁾ и т. п.

Вотъ нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ всю истину этой отвратительной картины: въ 1732 году разбиралось дѣло по поводу жалобъ, принесенныхъ жителями

¹⁾ См. № СХСѢ, стр. 448.

²⁾ См. № СХѢ, стр. 456.

мѣстечка Копыля и его окрестностей на католическаго приходскаго Копыльскаго священника, Іоанна Пенскаго; изъ показаній свидѣтелей видно, на сколько ревнители уніи не стѣснились въ выборѣ средствъ для распространенія ея: Пенскій принуждалъ побоями православныхъ жителей принимать унію, основываясь на томъ положеніи, что предки ихъ были уніаты (доказательство крайне растяжимое, такъ какъ уніаты доказывали, что уніа была господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ Литовской Руси со времени Флорентинскаго собора); не повинующихся ему онъ травилъ собаками, приказывалъ отпускать имъ по 150 палочныхъ ударовъ и т. д. Онъ принуждалъ родителей носить дѣтей ко св. крещенію въ костелъ, запрещалъ священникамъ напутствовать умирающихъ и хоронить мертвыхъ, вязалъ ихъ и билъ, въ случаѣ если они отправляли крестные ходы, и т. д. Когда умеръ одинъ крестьянинъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему ксендзомъ, то онъ не допустилъ священника въ домъ отпѣвать покойника и заставилъ совершать обрядъ на улицѣ; послѣ смерти другого жителя Копыля, ксендзъ, утверждая что родители покойника были уніаты, и что православный священникъ напутствовалъ его незаконно, приказалъ внести тѣло въ комору и заперъ его подъ замокъ; когда явились православные священники въ сопровожденіи цеховыхъ братчиковъ для совершенія похороннаго обряда, они должны были разломать замокъ; узнавши объ этомъ, Пенскій приказалъ натаскать бревень на гору, у подошвы которой проходила единственная улица, по которой должна была проходить похоронная процессія и объявилъ, что онъ ее раздавитъ, скатывая въ низъ брусья, у которыхъ онъ и помѣстился съ заряженнымъ ружьемъ. Чтобы избѣжать опасности покойника должны были нести черезъ трясину, проходя по поясу въ болотѣ ¹⁾. Другой

¹⁾ См. № СХСІІІ, стр. 427—442.

католическій священникъ—Оома Еленскій, приваясь водворять унію въ Петрыковской волости; руководимый его совѣтами управляющій имѣніемъ, шляхтичъ Гребницкій, сталъ систематически проводить дѣло «добровольнаго» принятія уніи; онъ потребовалъ отъ всѣхъ православныхъ священниковъ предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ они занимали приходы; когда-же священники предъявили ставленныя грамоты, выданныя имъ отъ Слуцкаго архимандрита, то Гребницкій объявилъ ихъ недѣйствительными, поносилъ ругательствами всю православную гіерархію и, въ заключеніе, объявилъ, что онъ не признаетъ ее и что впредь священники будутъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ исключительно отъ суда экономіи; на слѣдующій же день онъ потребовалъ въ присутствіе этого суда, составленнаго изъ него самого и ксендза Еленскаго, шестидесятилѣтняго старика, приходского священника села Лясковичъ, о. Прохора Забытневича; обвинивъ послѣдняго голословно въ обращеніи въ православіе 20 человѣкъ уніатовъ, не дозволивъ ему ни объясниться, ни привести свидѣтелей, не выслушавъ даже отвѣта, онъ тутже приговорилъ священника къ наказанію, которое должно было состоять въ слѣдующемъ: священникъ долженъ былъ, въ замѣнъ за мнимыхъ уніатовъ, отчислить изъ своего прихода 20 человѣкъ въ унію; притомъ священнику въ теченіи года запрещалось исполнять требы и входить въ церковь; сверхъ того онъ долженъ былъ 6 недѣль сидѣть въ экономической тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными въ ней за разныя преступленія евреями, и въ теченіи этого времени его трижды въ день подъ стражею выводили въ костель, гдѣ подвергали бичеванію «дисциплинами». Приговоръ управляющаго былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; когда, на другой день, явилась къ Гребницкому депутація, состоявшая изъ православныхъ священниковъ и почетныхъ мѣщанъ, просить поми-

лованія о Прохора, то управляющій, прогналъ ее отъ порога съ ругательствами, приказалъ переловить ея членовъ, отвести въ костель и подвергнуть тамъ разнымъ унижительнымъ наказаніямъ. Велѣдъ за тѣмъ Гребницкій распредѣлилъ жителей управляемаго имъ имѣнія на приходы, при чемъ большее число церквей и селъ отписалъ въ унію и зазвалъ въ нихъ на приходы уніятскихъ священниковъ; когда крестьяне отказались ходить къ новымъ пастырямъ, то послѣдовала всеобщая экзекуція: «слуги и челядинцы изъ экономіи и костела ходили толпою по селамъ; они невинныхъ людей били и истязали безъ милосердія и, наконецъ, всѣхъ поголовно съ женами и дѣтьми погнали въ Петрыковскій замокъ, наставляя ихъ въ вѣрѣ веревками, палками и розгами; они вогнали несчастную толпу въ Петрыковскій костель, гдѣ принуждали ихъ богохульствовать и плевать на ихъ вѣру грекорусскую.» Оставшимся еще въ имѣніи православнымъ священникамъ управляющій запретилъ принимать въ церковь крестьянъ изъ отчисленныхъ имъ въ унію селъ, или являться для исполненія требъ въ эти села «подъ опасеніемъ потери здоровья и жизни.» Въ села эти наѣхали уніятскіе священники съ командами, данными изъ замка; они гнали насильно крестьянъ въ церкви и заставляли ихъ присягать на унію, въ случаѣ оттаза они тутъ-же ихъ истязали собственноручно; одинъ изъ нихъ, Григорій Яроцкій, понуждалъ прихожанъ къ присягѣ ударами толстой восковой свѣчи, которую онъ въ запальчивости схватилъ изъ алтаря ¹⁾. Крестьяне, отказываясь отъ принятія уніи, не смотря на всѣ эти насилія, были лишены церковныхъ требъ, умирали безъ напутствія, оставались не вѣнчанными, хоронили мертвыхъ безъ церковныхъ обрядовъ и т. д. ¹⁾

---

¹⁾ См. № ССІ, стр. 464—471.

Подобныя сцены происходили повсемѣстно въ Литвѣ и Южной Руси съ различными видоизмѣненіями, смотря по личному праву и изобрѣтательности пана или ксендза ¹⁾. Въ то же время, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ гоненіе православныхъ достигало до вышеуказанныхъ размѣровъ, широкія льготы и всевозможныя поощренія предоставлены были уніятскому духовенству: военныя власти заботились о томъ, чтобы оградить ихъ отъ насилія со стороны жолнеровъ; король выдавалъ грамоты, обезпечивавшія уніатамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ исключительное право школьнаго преподаванія, устраивалъ и снабжалъ имѣніями уніятскія семинаріи и т. д. ²⁾ Помѣщики основывали на свой счетъ уніятскія монастыри и церкви, снабжали ихъ землями, угодіями и доходами, иногда въ довольно значительныхъ размѣрахъ; такъ Кіевскій воевода—Салезій Потоцкій, основалъ въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ: Уманщинѣ и Брагиловщинѣ, болѣе ста уніятскихъ церквей, снабдивъ каждую изъ нихъ: усадьбою для священника, пахатною землею въ размѣрѣ 30 дней и сѣнокосами въ размѣрѣ 10 дней, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы церкви эти зависѣли отъ уніятскаго митрополита ³⁾. Послѣ смерти приходскаго священника владѣльцы выдавали новому священнику презенту (разрѣшеніе занять приходъ въ имѣніи) только въ такомъ случаѣ, если онъ былъ уніятъ, или если изъявлялъ готовность принять унію, и условіе это включали въ презенту

---

¹⁾ См. ММ: ССIV, стр. 475; ССVX, стр. 589. Историческое извѣстіе объ уніи Бант. - Кам., стр. 150, 168, 200, 206, 215, 216, 231 и т. д.

²⁾ См. ММ: СXXXIII, стр. 304; СXCIX, стр. 458; ССXXXI, стр. 632.

³⁾ См. ММ: ССПІ, стр. 473; ССXIII, стр. 584; ССXVI, стр. 590; ССXVII, стр. 594; ССXXVI, 618 и ССXXXIII, стр. 640.

ту ¹⁾. Уніятская гіерархія, съ своею стороною, преслѣдуя православное духовенство, изводила на отдѣльныя лица вымышленныя обвиненія въ несоблюденіи каноническихъ правилъ, упрекала ихъ въ рукоположеніи духовными лицами, не имѣвшими на то, по ея мнѣнію, надлежащаго права и т. п., и, между тѣмъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, готова была устранить вопросъ о каноническихъ правилахъ, если упрекаемое лицо соглашалось принять унію. Одинъ примѣръ такого образа дѣйствій мы видѣли въ дѣлѣ епископа Жабокрицкаго, другой, не мѣнѣе характеристическій, встрѣчаемъ въ дѣлѣ Овруцкаго протоіерея, Симеона Комара; этотъ духовный лишенъ былъ іерейскаго сана Львовскимъ уніатскимъ епископомъ подъ предлогомъ двоеженства, но когда онъ изъяснилъ «смиреніе и покаяніе» по словамъ епископской грамоты, т. е. когда изъяснилъ согласіе на принятіе уніи, немедленно двоеженство было предано забвенію, и онъ получилъ разрѣшеніе священнодѣйствовать ²⁾.

Всѣ исчисленные приемы, посредствомъ которыхъ польское правительство и общество старались водворить унію въ русскихъ областяхъ речинсполитой въ продолженіи 70 лѣтъ должны были, по видимому, увѣнчаться успѣхомъ и привести къ полному уничтоженію православія въ границахъ Польско-Литовскаго государства; церковная гіерархія была совершенно упразднена, особенно послѣ того, какъ въ 1772 году послѣдняя православная епархія—Вѣлорусская была

---

¹⁾ См. №№ СXXXII, стр. 303; ССXXXIX, стр. 623. Также Архивъ Югозападной Россіи, ч. I, т. 2, стр. LIX—LXIII.—Право выдавать презенты священникамъ для занятія ими прихода принадлежало помѣщикамъ и старостамъ въ силу сеймовой конституціи 1647 года (Volumina legum, т. IV, стр. 59).

²⁾ См. № СXXVI, стр. 283.

присоединена къ Россіи; монастыри православные были насильно обращены въ унію; сельское духовенство, вполне зависимое отъ помѣщиковъ, стѣсненное необходимостью выпрашивать или покупать у нихъ презенты, преслѣдуемое съ свирѣпымъ ожесточеніемъ уніятскими и католическими ксендзами, болѣе или менѣе искренно принимало унію, или скиталось въ бездомномъ, бѣдственномъ, сопряженномъ съ безчисленными опасностями и оскорбленіями, положеніи; городскія церковныя братства были или обращены въ унію посредствомъ насилія, подкупа и другихъ внушеній, или разсѣялись и были закрыты, уніятское-же духовенство спѣшило образовать вмѣсто нихъ новыя, уніятскія братства ¹⁾); поддержка православія извнѣ была затруднена вышеприведенными законоположеніями, запрещавшими православнымъ переходить границу речипосполитой и духовныя лица, пытавшіяся, не смотря на строгій запретъ, проникнуть въ речь-посполитую изъ Кіева или Переяслава, подвергались страшнымъ истязаніямъ и оскорбленіямъ не только отъ старостъ и пограничныхъ властей, но еще въ большей степени отъ помѣщиковъ, которые пользовались полною административною властью въ своихъ селахъ на основаніи права доминіальной полиціи ²⁾). Наконецъ, законодательство польское, отъ времени до времени прибавляло новыя законоположенія, снѣсаявшія православныхъ, къ тѣмъ, которыя существовали уже прежде. Такъ постановленіемъ генеральной конфедераціи 1732 года опредѣлено было: «Права и привилегіи римско-католической и греко-уніятской церкви должны быть сохраняемы свято и ненарушимо; мы съ отвращеніемъ удаляемъ изъ этого правотѣрнаго государства всѣ иноплеменные

¹⁾ См. № ССХХVII, стр. 621.

²⁾ См. №№: ССXI, стр. 581; ССХХII, стр. 583; также Архивъ Югозападной Россіи, часть I, томы 2 и 3.

въроисповѣданія; однако иновѣрцамъ (т. е. православнымъ и протестантамъ), мы обеспечиваемъ... безопасность лицъ и имуществъ; но они лишаются права быть избранными въ депутаты на сеймы, въ трибуналы и въ спеціальныя коммиссіи, составленныя по какимъ-бы то ни было дѣламъ; ихъ воспрещается собираться на съѣзды, занимать должности въ воеводствахъ, городахъ и земляхъ речипосполитой или входить въ сношенія съ представителями сосѣднихъ государствъ, съ цѣлью снискать ихъ покровительство, подъ опасеніемъ наказаній, опредѣленныхъ за измѣну отечеству»¹⁾. Сверхъ этихъ узаконеній, вошедшихъ въ *volumina legum*, постановленіемъ той-же генеральной конфедераціи указаны были административнымъ порядкомъ мѣры еще гораздо болѣе стѣснительныя для православія: духовенству запрещено было ходить по улицамъ явно со св. дарами, церковныя требы: крещеніе, бракъ, похороны разрѣшено было совершать не иначе, какъ съ дозволенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны совершенно воспрещались; диссиденты и дизуниты должны были хоронить мертвыхъ ночью; притомъ на нихъ возлагалась обязанность присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны были принадлежать къ католической церкви и даже пасынки отца католика обязаны были принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ дѣлались обязательными для иновѣрцевъ²⁾.

¹⁾ *Volumina legum*, т. VI, стр. 286.

²⁾ Moraczewski—*Starożytności Polskie*, т. I, стр. 195. Хотя эти административныя распоряженія генеральной конфедераціи 1732 года и не вошли въ составъ *Volumina legum*, но, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ постановленіямъ генеральныхъ конфедерацій, онѣ получили силу закона; въ доказательство можно указать то обстоятельство, что,

Находясь въ столь стѣсненномъ и гонимомъ положеніи, православіе однако не пало, не было искоренено насиліемъ юридическимъ и фактическимъ въ Литовско-русскихъ земляхъ; оно устояло, благодаря сложности 3-хъ причинъ: стойкости крестьянъ, заступничеству Россіи и внутреннему разложению шляхетскаго общества, ускорившему паденіе речипосполитой и, такимъ образомъ, нанесшему смертельный ударъ всѣмъ неправдамъ, имъ-же самимъ порожденнымъ.

Но пока въ теченіи XVIII столѣтія шляхетское общество приближалось къ паденію путемъ медленнаго разложенія, всю тяжесть религіозной борьбы должно было выносить на своихъ плечахъ крестьянское сословіе; ограничиваясь единственнымъ, возможнымъ въ его поработченномъ состояніи, приѣмомъ борьбы—пассивнымъ сопротивленіемъ, оно проявило въ ней такую стойкость и непоколебимость, что, не смотря на всѣ усилія противниковъ, оно успѣло отстоять свободу своей религіозной совѣсти и сохранить православіе до того времени, пока переменѣна политическихъ обстоятельствъ не гарантировала вполне дальнѣйшее его существованіе. Ни военныя экзекуціи, ни приказанія и насилія помѣщиковъ, ни команды, сопровождавшія уніятскихъ священниковъ въ ихъ миссіяхъ, ни казни, торжественно устраиваемыя послѣдними для устрашенія строптивыхъ, не могли сломить пассивнаго сопротивленія крестьянъ, не могли заставить ихъ посѣщать церкви. Между тѣмъ какъ уніаты хлопотали объ усиленіи числа своихъ приходовъ, и, за малыми исключеніями, успѣли почти на всемъ пространствѣ русскихъ областей речипосполитой принять въ свое вѣдомство православныя церкви и приходы, приписанные къ послѣднимъ

---

36 лѣтъ позже, онѣ отмѣнены были законодательнымъ порядкомъ въ силу трактата, заключеннаго съ Россією въ 1668 году. (См. Volum. legum, т. VII, стр. 256—272).

прихожане оставались совершенно чуждыми уни. Съ половины XVIII столѣтія мы даже замѣчаемъ болѣе систематическое отношеніе крестьянъ къ дѣлу религіозной борьбы; въ селахъ чувствуется потребность группировки и взаимной поддержки въ борьбѣ, и потребность эта удовлетворяется возникновеніемъ повсемѣстно сельскихъ церковныхъ братствъ,¹⁾ въ которыхъ прихожане церквей, причисленныхъ офиціально къ уни, находятъ возможность развить общественное мнѣніе въ вопросахъ, касавшихся нравственности и чистоты церковнаго ученія. Конечно пассивное сопротивленіе, не смотря на всю энергію народа, не могло-бы продолжаться до безконечности и раньше или позже ослабѣло-бы, уступая повседневному тяжелому гнету, еслибы оно не нашло поддержки извнѣ. Такую нравственную поддержку народъ православный нашелъ въ надеждѣ на сильное звступничество за него Россіи и на отдаленное но вѣрное свое освобожденіе при ея помощи. Русское правительство дѣйствительно съ Петра I и до конца XVIII столѣтія старалось всѣми, зависѣвшими отъ него, средствами облегчить участь своихъ единовѣрцевъ въ речипосполитой; не проходило ни одного почти года, въ теченіи котораго русскіе посланники и резиденты въ Варшавѣ не напоминали-бы польскимъ властямъ о томъ, что образъ дѣйствій, принятый ими по отношенію къ православнымъ жителямъ речипосполитой, не согласенъ съ обѣщаніями польскаго правительства, гарантированными имъ въ трактатахъ съ Россією и что онъ можетъ нарушить мирныя отношенія между обоими государствами. Цари не рѣдко посылали въ этомъ смыслѣ ноты лично отъ своего имени. Пра-

---

¹⁾ См. М.М.: ССVIII, стр. 516; ССXIV, стр. 587; ССXXX, стр. 630; ССXXXVI, стр. 645; ССXXXVII, стр. 646; ССXXXVIII, стр. 648; ССXXXIX, стр. 649.

восставные жители, не находя нигдѣ болѣе защиты, обращались также безпрестанно къ русскому правительству съ просьбами о помощи и заступничествѣ, доставляли подробныя описанія обидъ и насилій, претерпѣваемыхъ ими, и вызывали такимъ образомъ новыя ноты и напоминанія ¹⁾. Въ началѣ польское правительство или отмалчивалось, или отвѣчало уклончиво, ссылаясь на права, которыми пользовалось въ Польшѣ дворянское сословіе и на юридическій порядокъ, установившійся въ речипосполитой, или, наконецъ, назначало для виду комиссію, будто для разслѣдованія указанныхъ фактовъ насилія; но комиссіи эти затягивали дѣло, запутывали его въ нескончаемыя юридическія формальности и обыкновенно оставляли, ничѣмъ не покончивши. Съ половины только XVIII столѣтія такой способъ веденія дѣла сталъ неудобенъ для польскаго правительства: разслабленное состояніе речипосполитой было уже слишкомъ явно, безсиліе ея организма не могло долѣе укрыться и проявлялось въ каждомъ внутреннемъ и внѣшнемъ столкновеніи дряхлой шляхетской республики. Вліяніе сосѣднихъ государствъ, особенно Россіи, на политическую судьбу речипосполитой стало все сильнѣе и сильнѣе обнаруживаться и среди болѣзненного броженія ея внутреннихъ силъ, послѣднія сами безпрестанно вызывали и укрѣпляли это вліяніе. По мѣрѣ того какъ Россія пріобрѣтала усиливающійся съ каждымъ годомъ авторитетъ, заступничество ея за православіе должно было также, повидимому, проявляться съ большею силою и сдерживать слишкомъ рѣзкія черты католическаго фанатизма шляхтичей; на дѣлѣ однако предположеніе это не оправдалось: сознавая вполнѣ

---

¹⁾ См. ММ: СХСV, стр. 444; СХСVII, стр. 453; СХСVIII, стр. 455; ССХVIII, стр. 596; ССXXXIV, стр. 644. Бантышъ-Каменскій, гл. VI—XII.

свое безсиліе, и уступая безмолвно передъ требованіями русскаго правительства въ политической сферѣ дѣятельности, дворяне речипосполитой съ страннымъ ослѣпленіемъ упрямо отстаивали свой прежній образъ дѣйствій въ религіозномъ вопросѣ: два раза шляхтичи по желанію русскаго двора приняли въ король указанныя имъ лица; два раза они отказались фактически отъ той политической привилегіи, которую болѣе всего дорожили—отъ свободнаго выбора короля; нѣсколько разъ они безмолвно въ мирное время пропускали русскія арміи проходить вдоль и поперекъ черезъ свою территорию, нѣсколько разъ они по указанію русскаго посланника удаляли въ изгнаніе или дозволяли арестовать лицъ довольно популярныхъ и занимавшихъ высокія должности; но при всемъ этомъ, они не хотѣли внимать никакому представленію относительно вѣротерпимости и свободы совѣсти «дизунитовъ и диссидентовъ», будто преслѣдованіе иновѣрцевъ составляло самую драгоценную изъ шляхетскихъ вольностей; очевидно было, что катастрофа, грозившая неминуемымъ паденіемъ речипосполитой, приметъ религіозный вопросъ за исходную точку; такъ дѣйствительно и случилось. Сами патріоты польскіе чувствовали опасность съ этой стороны, но вмѣсто того, чтобы предпослать ей на встрѣчу болѣе человѣчное отношеніе къ спорному дѣлу, они рѣшились замѣть его, ребячески зажимая собственныя-же уши. Такъ на сеймѣ Варшавскомъ 1766 года, краковскій епископъ Солтыкъ предложилъ постановить конституцію, въ силу которой всякій, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ, былъ бы объявленъ врагомъ отечества. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона ¹⁾. Но вскорѣ

---

¹⁾ Volumina legum, т. VII, стр. 258—272; также № CCXXIII, стр. 607.

за постановленіемъ этого закона послѣдовало первое вооруженное вмѣшательство Россіи. Екатерина II приняла подъ свое покровительство конфедерацію, составленную дворянами протестантами и потребовала отъ речипосполитой гарантіи вѣротерпимости для ея подданныхъ не католиковъ. Рѣшительныя угрозы русскаго посланника, князя Репнина, и страхъ передъ русскими войсками заставили одуматься сеймъ, созданный королемъ въ 1768 году. Коммиссія, назначенная отъ сейма, заключила съ Репнинымъ трактатъ, въ особомъ прибавленіи къ которому речипосполитая обезпечивала свободу совѣсти православныхъ и протестантовъ; въ прибавленіи этомъ было постановлено: католическая религія въ Польшѣ признавалась господствующею, переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе долженъ былъ наказываться изгнаніемъ изъ государства; за то православнымъ и протестантамъ предоставлялось право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковныя, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, отбывать крестные ходы; они освобождались отъ католическихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ; дѣтямъ, рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствія при католическихъ крестныхъ ходахъ и, для разбирательства религіозныхъ столкновеній устроенъ былъ смѣшанный судъ изъ 17 католиковъ и 8 протестантовъ и православныхъ. Наконецъ, обѣщано было королемъ сохраненіе равноправности при раздачѣ должностей ¹⁾.

Но это облегченіе, доставленное православнымъ вслѣдствіе вліянія Россіи, было непродолжительно. Фанатизиро-

¹⁾ Volumina legum, т. VII, стр. 258—272; также № ССХХІІІ, стр. 607.

ванная долгимъ езуитскимъ вліяніемъ шляхта озлобилась противъ вышеприведенныхъ пунктовъ трактата: вспыхнула Барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. Результатомъ войны было присоединеніе къ Россіи Бѣлоруссіи, но за то въ трактатѣ, заключенномъ въ Варшавѣ въ 1775 году, русское правительство сдѣлало значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты въ отношеніи религіознаго вопроса; въ особомъ приложеніи къ этому трактату сказано было, что русское правительство соглашается, чтобы православные были впродъ исключены изъ состава сената и министерства; что, хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами своего сословія, наравнѣ съ дворянами католиками, однако законъ этотъ не будетъ распространяться на тѣ лица, которыя приняли-бы православіе послѣ заключенія трактата. На сеймѣ не должно быть никогда болѣе трехъ депутатовъ некатоликовъ. Смѣшанный судъ уничтожается и подвѣдомственные ему дѣла переносятся въ ассесорскій королевскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ, равно какъ и употребленіе колоколовъ при церквяхъ ¹⁾.

Такимъ образомъ православные лишались послѣдней опоры, на которую до того времени могли рассчитывать; положеніе ихъ сдѣлалось тѣмъ труднѣе, что, съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи, послѣдній православный епископъ удалялся изъ границъ речипосполитой; конечно распространеніе шляхтичами уни и изгнаніе ими послѣднихъ православныхъ духовныхъ должно было теперь продолжаться съ полнымъ успѣхомъ и достигъ давно желанной цѣли. Что общество речипосполитой рассчитывало

---

¹⁾ Volumina legum, т. VIII, стр. 47—49.

на такой исходъ дѣла, показываетъ судъ, наряженный въ 1789 году по распоряженію сейма надъ единственнымъ высшимъ духовнымъ лицомъ православной церкви—надъ Случимъ архимандритомъ, Викторомъ Садковскимъ. арестованнымъ и преданнымъ суду безъ всякаго повода, вслѣдствіе напрасной паники, распространившейся внезапно среди шляхты. Къ счастью фактъ этотъ былъ послѣднимъ насиліемъ въ религіозномъ отношеніи: два года спустя всѣ почти русскія провинціи речипосполитой присоединены были къ Россіи и народонаселеніе ихъ получило возможность исповѣдывать вѣру, согласную съ требованіемъ ихъ совѣсти. Тогда собственно и обнаружилась вся суетность долговременныхъ усилій польскаго общества, принесшихъ столько бѣдствій и страданій народонаселенію вѣрному православію: лишь только русскія власти водворены были въ краѣ, унія исчезла сама собою, безъ всякихъ распоряженій со стороны правительства; приходскіе священники, причисленные къ уніи по большей части только въ силу страха преслѣдованій и подчинившіеся ей только наружно и противъ воли, поснѣшили отрѣчься отъ нея и объявить себя православными; масса народонаселенія, никогда не принимавшая уніи, даже наружно, вздохнула свободнѣе и отправила въ церковь молиться по обычаю предковъ въ церкви, сдѣлавшіяся для нея вновь доступными. Насаждаемая съ такимъ трудомъ, съ поправленіемъ всѣхъ правилъ уваженія человѣческаго достоинства, уніятская церковь, осталась въ продолженіи незначительнаго промежутка времени, исповѣданіемъ служилыхъ, обѣднѣвшихъ шляхтичей или старавшихся выдавать себя за шляхтичей однодворцевъ и мѣщанъ. Никому уже теперь не нужная, никѣмъ не поддерживаемая въ качествѣ политическаго орудія, церковь эта наконецъ оцѣнила сама всю неловкость своего положенія, всю внутреннюю ничтожность свою: ее постигла обычная судьба тѣхъ

ученій, которыя возникаютъ не на основаніи самостоятельно выработанныхъ принциповъ у глубоко запавшаго въ душу убѣжденія, а складываются искусственно эклектическимъ путемъ изъ отрывковъ и клочковъ чужихъ мыслей и убѣжденій. Въ текущемъ уже столѣтіи уніятское духовенство принесло соборную просьбу русскому правительству о разрѣшеніи ему возсоединиться съ православіемъ и получило полное на то разрѣшеніе; такимъ образомъ унія прекратила свое существованіе на пространствѣ всей южной и западной Россіи.

Если обратимъ вниманіе на состояніе уніятской церкви въ теченіи XVIII столѣтія, то мы замѣтимъ въ ея судьбѣ одно оригинальное явленіе: за весьма незначительными исключеніями, тѣ власти, сословія и лица, которыя заявляли особенную ревность при распространеніи ея, которыя насаждали ее всѣми правдами и неправдами, сами не вѣрили въ ея пользу, въ ея душеспасительное религіозное значеніе. Лишь только успѣлъ Іосифъ Шумлянскій водворить окончательно унію въ трехъ, подвѣдомственныхъ ему, епархіяхъ, въ нихъ немедленно является новое направленіе въ образѣ дѣйствій польскаго дворянства и католическаго духовенства; становится яснымъ до очевидности, что сословія эти смотрѣли на унію и водворяли ее исключительно какъ временную мѣру, что они предлагали ее только какъ средство болѣе, по ихъ мнѣнію, удобное для распространенія католицизма, который представлялъ самъ по себѣ слишкомъ рѣзкія отличія отъ православія и потому, по мнѣнію его поборниковъ, нужно было устроить средній терминъ, своего рода временное чистилище, и черезъ него провести православныхъ въ латинство; въ качествѣ такой временной мѣры и предложена была унія. Между тѣмъ какъ въ Бѣлой и Югозападной Руси дворяне, ксендзы и правительство осыпаютъ льготами и приманками уніятское духовенство и тѣ-

снять православіе, въ тѣхъ областяхъ речипосполитой, гдѣ унія успѣла, благодаря ловкой интригѣ, болѣе прочно утвердился, почти тѣ-же приемы употребляются въ то-же самое время, тѣмъ-же обществомъ для того, чтобы вызвать переходъ изъ унии въ католичество. Въ епархіяхъ: Львовской, Галицкой, Каменецъ-Подольской, въ западной части Волыни уніятское духовенство испытываетъ тѣ же притѣсненія, какія въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Брестъ-Литовскомъ, Минскомъ и т. д. испытывало духовенство православное. Буйные и ничѣмъ не сдержанные шляхтичи не обращаютъ вниманія на то, какое впечатлѣніе произведетъ ихъ отношеніе къ уніи на православныхъ и на самихъ-же уніятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ унія еще не успѣла установиться. Они ведутъ натискъ горячо, не стѣсняясь въ средствахъ, съ обычнымъ своеволіемъ и грубостью приемовъ; такъ мы встрѣчаемъ документы, свидѣтельствующіе о заѣздахъ на уніятскіи церкви и монастыри, о побояхъ, причиняемыхъ безъ повода уніятскимъ священникамъ, о требованіи съ нихъ барщины, о захватѣ и отчужденіи церковныхъ и монастырскихъ земель ¹⁾ и т. п. Высшее уніятское духовенство также мало было обезпечено отъ буйства шляхты какъ и низшее: въ 1703 году, т. е. почти непосредственно послѣ того, какъ Шумлинскій провозгласилъ себя уніятъ, толпа шляхтичей напала на него въ епископскомъ его дворѣ, въ Каменцѣ; они ворвались въ баню, гдѣ тогда находился епископъ, поносили его бранными словами, били окружавшихъ его слугъ и священниковъ, грозили имъ обнаженными саблями и т. д.²⁾ Помѣщики вмѣшивались вообще въ церковное уніятское управленіе, разверстывали по своему

¹⁾ См. ММ: LXXIV, стр. 159; CIV, стр. 226; CLXVI, стр. 371; CXС, стр. 423; CXCI, стр. 424; CXСII, стр. 425.

²⁾ См. ММ: XCIX, стр. 217 и С, стр. 218.

желанію приходы, налагали на священниковъ запрещеніе исполнять требы и входить въ церковь, не допускали строить уніатскія церкви и праздновать въ нихъ храмовые праздники¹⁾. Впрочемъ вообще въ поступкахъ шляхтичей, направленныхъ противъ уніи, гораздо менѣе проявлялось ненависти и жестокости, чѣмъ въ отношеніи къ православію, но зато постоянно просвѣчивала въ нихъ другая черта — презрѣніе и насмѣшка. Если побои относительно рѣдко достаются на долю уніатскихъ священниковъ, если они никогда не подвергаются слишкомъ жестокиѣмъ истязаніямъ, если имъ не угрожаетъ опасность смерти или полного разоренія и скитальческой жизни, то за то шляхтичи не упускаютъ никогда возможности унизить ихъ, поставить въ самое невыгодное, жалкое, по мнѣнію шляхтича, положеніе, дать имъ почувствовать, что хотя ихъ и терпятъ въ речипосполитой, но тѣмъ не менѣе унія составляетъ вѣроисповѣданіе низшаго разбора, что она не болѣе какъ *жлопская* вѣра и что дворянинъ чувствуетъ себя въ правѣ, по своему усмотрѣнію, шутить и насмѣхаться надъ представителями этой вѣры. Такъ напримѣръ мы встрѣчаемъ жалобу уніатскаго протоіерея Мартышевича, въ которой ясно обозначается указанная черта отношеній шляхтичей къ уніатскому духовенству: Мартышеничъ собрался изъ Каменца въ сосѣднее село Должекъ съ цѣлью освятить церковь; проходя по улицѣ мимо дома знатнаго шляхтича, скарбника Подольскаго, Іосифа Лянцкоронскаго, онъ былъ задержанъ послѣднимъ и любезно приглашенъ зайти въ домъ. У Лянцкоронскаго протоіерей встрѣтилъ веселое дворянское общество, которому хозяинъ рѣшился доставить развлеченіе на счетъ уніатскаго «пола». Лишь только Мартышевичъ вошелъ, ему поднесли водку; — онъ отказался пить, объясняя, что ему пред-

¹⁾ См. МН: СІХ, стр. 236 и СХ, стр. 238.

стоитъ въ тотъ-же день служить обѣдню и что потому онъ не имѣетъ права вкушать чего-бы то ни было; Лянцкоронскій, не слушая его словъ, обнажилъ саблю, и, держа ее на горлѣ у священника, крикнулъ: «пей, такой матери сынъ! а то перерѣжу горло.» Затѣмъ онъ приказалъ одному изъ слугъ лить ему насильно въ горло водку и медъ и, въ случаѣ сопротивленія, не щадить пинковъ. Опьянѣвшаго священника Лянцкоронскій приказалъ слугамъ своимъ отвести въ пиннокъ, напоить вторично и выпустить только тогда, когда онъ будетъ въ совершенно нетрезвомъ видѣ ¹⁾. Другой шляхтичъ допускалъ еврея арендатора наносить публичные побои уніятскому священнику въ церковной оградѣ; иные, пользуясь нерасположеніемъ крестьянъ къ уніи, забавлялись тѣмъ, что отдавали уніятскихъ священниковъ на поруганіе своимъ слугамъ: такъ, напримѣръ, дворянинъ Аксакъ, преслѣдуя уніятскаго священника въ своемъ селѣ, приказывалъ его бить и таскать за волосы крестьянамъ, что они исполняли «изъ врожденной деревенской злости и ненависти противъ уніи»; когда священникъ заявилъ о томъ, что онъ не зависитъ отъ помѣщика и подсуденъ только своему епископу, то Аксакъ отвѣтилъ: «я здѣсь епископъ и владыка; какъ совершу надъ тобою освященіе, то съ мѣста не встанешь!» ²⁾

При такомъ отношеніи шляхетскаго общества къ уніи и уніятскому духовенству, католическая гіерархія могла вполне разсчитывать на его поддержку для обращенія уніатовъ въ католичество и приступила къ этому дѣлу въ половинѣ XVIII столѣтія смѣло и открыто въ тѣхъ областяхъ, гдѣ унія окончательно вытѣснила православіе. Одинъ изъ католическихъ епископовъ Черной Руси, Перемышльскій епископъ, впо-

¹⁾ См. № СХХ, стр. 265.

²⁾ См. М.М.: СХ, стр. 238; СLXXXIX, стр. 421 и ССII, стр. 472.

слѣдствіи Львовскій архіепископъ—Сѣраковскій, издалъ программу дѣйствій для католическаго духовенства; въ запискѣ этой онъ утверждалъ, что унія, хотя и пользовалась терпимостью въ католической церкви, но она не представляла надлежащей полноты и чистоты религіознаго ученія; что уніаты слишкомъ еще тѣсно связаны съ восточною церковью преданіями, обрядами, святынею и народностью, что они, при каждомъ удобномъ случаѣ, могутъ перейти обратно въ православіе и что, вслѣдствіе этихъ соображеній, должно поспѣшить перевести ихъ прямо въ латинство; для этого слѣдуетъ пользоваться всевозможными обстоятельствами и не упускать ни одного случая, какъ частнаго такъ и общаго, не воспользовавшись имъ для проведенія вышеуказанной цѣли. Напрасно уніатское духовенство, встревожившись формулировкою угрожавшаго имъ направленія, составило соборъ и издало за подписью всѣхъ членовъ уніатской іерархіи длинную записку, силившуюся опровергнуть доводы Сѣраковского и доказать правоту и самостоятельность уніатской церкви¹⁾; на отвѣтъ ихъ католики не обратили никакого вниманія: программа, представленная Сѣраковскимъ, была произведеніемъ не одного лица, она послѣдовательно вытекала изъ давно обдуманнаго католиками плана дѣйствій, къ которому клерикальная католическая партія стремилась въ Польшѣ съ конца XVI столѣтія. Въ исполненіи этого плана переходъ православныхъ въ унію предполагался только въ качествѣ перваго дѣйствія религіозно - политической драмы; за нимъ необходимо должно было слѣдовать второе дѣйствіе, которое, какъ предполагали поборники Рима, должно увѣнчать ихъ долгія усилія переходомъ уніатовъ въ латинство.

---

¹⁾ См. № CCV, стр. 478—509.

Дѣйствительно католическое духовенство высшее и низшее, бѣлое и монахи всевозможныхъ орденовъ, принялись за новое дѣло съ горячимъ усердіемъ. Изъ длинной записки, составленной уніятскимъ епископомъ по свѣденіямъ, собраннымъ имъ отъ уніятскихъ благочинныхъ, мы можемъ прослѣдить приемы, пущенные ими въ ходъ для достиженія своей цѣли ¹⁾: мы узнаемъ изъ этой записки, что въ теченіи только 7-ми лѣтъ (1758—1765) въ трехъ уніятскихъ епархіяхъ: Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской обращено было въ католичество болѣе 1000 лицъ, которыя уніятское духовенство могло указать по имени и рассказать подробности ихъ обращенія; сколько притомъ дѣтей, рожденныхъ отъ родителей уніятъ, было крещено католическими ксендзами, сколько лицъ перешло въ католичество безъ огласки, такъ, что подробныя свѣденія о нихъ не могли быть собраны благочинными?—о томъ записка не упоминаетъ. Вообще, по имѣющимся показаніямъ, видно, что переходъ совершался подъ вліяніемъ трехъ главныхъ побудительныхъ причинъ: пропаганды ксендзовъ, вліяній, развивавшихся въ средѣ семейной жизни при смѣшанныхъ бракахъ, и вліянія господъ и помѣщиковъ на своихъ слугъ и крестьянъ.

Пропаганда, веденная католическими монахами и священниками была основана не столько на поученіи, на доказательствахъ о превосходствѣ обрядовъ или ученія католической церкви, сколько на чисто мірскихъ соображеніяхъ: католичество выставлялось въроисповѣданіемъ господствующимъ, благороднымъ, панскимъ;—унія ученіемъ невѣжественнымъ, мужицкимъ, презрѣннымъ, свойственнымъ не благородной русской породѣ людей. «Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана (ксендза) для пана» поговаривалъ публично одинъ

---

¹⁾ См. № ССХ, стр. 521—580.

изъ ксендзовъ; въ другомъ мѣстѣ католическіе монахи приняли цѣлый рядъ проповѣдей, съ тою цѣлью, чтобы доказать, что «латинская вера лучше и благопристойнѣе уніи»¹⁾. Болѣе усердные ксендзы заходили еще дальше въ благочестивой ревности, утверждая, что унія не болѣе какъ ересь, сравнивали ее съ нехристіанскими вѣроисповѣданіями, обзывали «собачею вѣрою». «Всякій Русинъ собака; вѣра ихъ — собачья вѣра!» проповѣдывалъ каноникъ Косовскій передъ русскою уніятскою громадою въ селѣ Яслискахъ. Въ городѣ Жолкви ксендзъ Квяткевичъ, замѣтивши крестный католическій ходъ, направившійся изъ костела въ уніятскую церковь св. Троицы, остановилъ его, и, обращаясь къ другимъ ксендзамъ, заявилъ публично въ присутствіи многихъ мѣщанъ уніятъ: «зачѣмъ вы идете къ этимъ негодямъ, капуснякамъ (sic), схизматамъ; я увѣряю ваши милости, что приличнѣе смотрѣть на собакъ, чѣмъ на эту русскую каналью!» Въ селѣ Тысьменичанахъ, ксендзъ Томицкій, среди многочисленнаго собранія народа, издѣвался надъ обрядами уніятской церкви, утверждая между прочимъ: «что ваше церковное пѣніе похоже на вой собакъ!»²⁾ Езуиты въ проповѣдяхъ утверждали: «что обряды уніятской церкви достойны посмѣянія, что ея ученіе хуже вѣры Турецкой, Еврейской и Лютеранской, что никто изъ послѣдователей ея не можетъ быть спасенъ, что церкви уніятскія хуже еврейскихъ синагогъ» и т. д.³⁾ Такіе и тому подобные отзывы объ унії сдѣлались общимъ ходячимъ мѣстомъ въ средѣ католическихъ ксендзовъ и дворянъ, они повторяются повсемѣстно и составляютъ самое общее явленіе католической

---

¹⁾ См. стр. 537 и 561.

²⁾ См. стр.: 524, 525, 557.

³⁾ См. стр. 546—547.

пропаганды того времени¹⁾. Насмѣшки и презрѣніе, которыми надѣляли уніатовъ, особенно сильно развиты были въ школахъ и имѣли рѣшительное вліяніе на учениковъ; мы встрѣчаемъ многочисленныя указанія на то, что мальчики уніаты, подвергаясь постояннымъ насмѣшкамъ со стороны учителей и сотоварищей, не были въ состояніи вынести ихъ и спасались переходомъ въ католичество²⁾. Ксендзы, желая тѣмъ-же оружіемъ дѣйствовать и на взрослыхъ, не ограничивались порицаніемъ уніи на словахъ, въ рѣчахъ и проповѣдяхъ; они старались представить наглядныя доказательства зависимости уніатской церкви и ея вѣтвистеннаго положенія и неблагогого значенія; такъ, между прочимъ, установился повсемѣстно обычай, въ силу котораго ксендзы запрещали въ уніатскихъ церквяхъ звонить въ колокола въ день св. Пасхи, въ случаѣ, если она приходилась раньше католической и совпадала съ послѣдними недѣлями поста у католиковъ; если уніатскій священникъ не повиновался этому запрету, то ему приходилось испытывать довольно крутыя мѣры преслѣдованія со стороны ксендзовъ. Такъ, напримѣръ, одинъ приходской священникъ, въ наказаніе за то, что приказалъ звонить во-время всенощной на св. Пасху, былъ арестованъ жившими въ одномъ съ нимъ мѣстечкѣ, Доминиканцами; вмѣсто тюрьмы, его посадили въ склепъ костельный и продержали тамъ всю ночь среди гробовъ и покойниковъ³⁾. Если при исполненіи какого-нибудь церковнаго обряда сходились вмѣстѣ католическіе и уніатскіе священники, то первые держала себя гордо и непристудно по отношенію ко вторымъ, и старались избѣгать ихъ общества; такъ мы имѣ-

¹⁾ См. стр.: 541, 543, 547, 550, 563, 565, 572.

²⁾ См. стр.: 531, 538, 549, 561, 563.

³⁾ См. стр. 567.

емъ свидѣніе о томъ, что нѣсколько уніятскихъ священниковъ было приглашено для участія въ погребальной процессіи въ кармелитскій монастырь; послѣ совершенія обряда католическое духовенство было приглашено на обѣдъ въ монастырскую столовую, уніятскимъ-же священникамъ монахи выслали закуску въ конюшню ¹⁾.

Если презрѣніе, оказываемое католическимъ духовенствомъ уніятской церкви, заставляло многихъ переходить въ латинство, то еще большее количество уніатовъ оставляло свою церковь влѣдствіе вліянія, развивавшагося въ семейной жизни при смѣшанныхъ бракахъ. Обыкновенно католическая личность, руководимая совѣтами ксендзовъ, старалась повлѣять на членовъ семьи уніатовъ, нерѣдко съ помощью насилія, для того, чтобы заставить ихъ принять католичество; почти всегда дѣти отъ такихъ браковъ крестились у ксендза и дѣлались католиками; ксендзы потому и старались поощрять смѣшанные браки, нерѣдко принуждали къ ихъ заключенію уніатовъ побоями и насиліями; бывали случаи, что ксендзъ, напоивъ до пьяна жениха, тутъ-же вѣнчалъ его съ католичкою въ пьяномъ видѣ; не ограничиваясь этимъ, католическіе ксендзы часто вѣнчали уніатовъ съ католичками и обратно даже въ такихъ случаяхъ, когда новобрачные не были уже свободны и раньше вступили въ бракъ съ другими лицами, остававшимися еще въ живыхъ. Лишь только образовывалась такая семья, ксендзъ являлся въ нее для исполненія требъ и мало-по-малу обращалъ всю въ католичество.

Дворяне - католики, относясь, подобно католическому духовенству, съ полнымъ презрѣніемъ къ уніа, принуждали внушеніями, побоями, притѣсненіями слугъ своихъ и крестьянъ переходить въ католичество, ослушныхъ или медлившихъ они

---

¹⁾ См. стр. 538.

понуждали взысканіями, штрафами и стѣснительными экономическими мѣрами, такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ повсемѣстное явленіе, что помѣщики заставляли крестьянъ уніатовъ отбывать барщину въ праздничные дни; когда-же послѣдніе ссылались на церковныя постановленія, то шляхтичи отвѣчали насмѣшкою: «ваши русскіе праздники обязательны только до полудня, позже этого времени они таютъ какъ иней на солнцѣ.»

Всѣ указанные приемы конечно не составляли и десятой доли того преслѣдованія, которое испытывало православіе, но они были достоточны для того, чтобы повернуть уніатовъ въ католичество. Унія не имѣла подобно православію на своей сторонѣ ни преданія, ни ясно очерченнаго самостоятельнаго ученія—навязанная весьма недавно народу въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ областяхъ речипосполитой, она не успѣла пустить корней; народъ относился къ ней равнодушно, готовъ былъ промѣнять ее съ полнымъ индиферентизмомъ на любое другое христіанское вѣроисповѣданіе и, конечно, не былъ расположенъ нести жертвы въ защиту ея. Вѣроятно унія не выдержала-бы и этого первоначальнаго столкновенія, еслибы время позволило сколько-нибудь продлить его; но времени для этого не достало: въ 1772 году Чермная Русь перешла во владѣніе Австріи и унія нашла пріютъ и спокойствіе подъ сѣнью вѣротерпимой власти Іосифа II.

Вызванная политическою и религіозною интригою, унія лишена была жизненной силы со дня своего рожденія. Какъ политическое орудіе, вложенное въ руки шляхетскаго сословія езуитами, она годна была только для того, чтобы подъ знаменемъ своимъ укрыть насиліе, дѣйствовавшее не въ ея интересахъ и готовое обратиться на свое же орудіе, лишь только минуетъ въ немъ надобность. Ненавистная для пра-

вославныхъ жителей речипосполитой, какъ знамя кровавого гнета, презрѣнная для католиковъ какъ подставная полумѣра, какъ уступка «схизмѣ», религіозная уніа пережила печально свою историческую судьбу. Тамъ гдѣ она исчезла, она оставила въ памяти народонаселенія только воспоминаніе о минувшемъ тяжеломъ бѣдствіи, въ тѣхъ-же немногихъ областяхъ, гдѣ она дожила до нашего времени, она продолжаетъ вести борьбу съ католичествомъ за свое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ должна находится въ полномъ подчиненіи и въ формальномъ, внѣшнемъ согласіи съ поглощающимъ ее противникомъ.